

ЗАПИСКИ

О

НѢКОТОРЫХЪ НАРОДАХЪ И ЗЕМЛЯХЪ
СРЕДНЕЙ ЧАСТИ АЗІИ

Филиппа Назарова,

Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса
Переводчика,

посыланнаго въ Коканшъ въ 1813
и 1814 годахъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано при ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ

1821.

БИБЛИОТЕКА

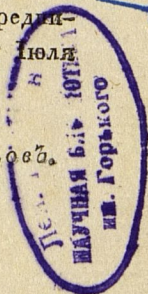
О-ва для достав. средствъ

В. Ж. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, до выпуска изъ Типографіи, было представлено въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для представленія, куда предписано отъ Начальства. Санктпетербургъ, 27 Іюля 1820 года.

Цензоръ Кол. Сов. и Кав. Изв. Ястребцовъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

Г Р А Ф У

НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ

РУМЯНЦОВУ,

ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ,

съ чувствами глубочайшаго высоко-
почишанія посвящаетъ

Сочинитель.

Народы, обитающіе въ средней части Азіи, до сихъ поръ остаются мало извѣстными; будучи къ нимъ посланъ и задержанъ ими въ продолженіи полутора года, я старался замѣчать нравы, обычаи, положеніе мѣстъ и укрѣпленія городовъ сихъ народовъ; а знаніе тамошняго языка, какъ своего общественнаго, доставило мнѣ нѣсколько средствъ, кои рѣдко находятъ путешественники.—Сдѣлавъ краткое о семъ описаніе, я предпринялъ издать оное въ свѣтъ, чтобы нѣмъ познакомиться соотечественниковъ моихъ съ сими вниманіемъ достойными землями, изъ коихъ нѣкогда вышли народы, поглотившіе наше Государство.

Записки сіи, представляемые мною на судъ просвѣщенныхъ читателей, остались бы неизвѣстными безъ великодушнаго содѣйствія знаменитаго въ Государствѣ нашемъ мужа, споспѣшествующаго новымъ открытіямъ; мужа почтеннаго

характеромъ и добродѣтелями, — и кто изъ Россiянъ не узнаетъ въ немъ достойнаго сына героя Задунайскаго.

Возвращавшіеся въ 1812 году отъ Высочайшаго Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Коканскіе Посланники, остановились въ крѣпости Пешропавловской: одинъ изъ нихъ въ семь мѣсѣвъ умеръ отъ болѣзни; а развратная жизнь другаго среди распушныхъ женщинъ, завела его въ сообщество сосланнаго на поселеніе солдата, который, заманивъ его въ баню, убилъ въ надеждѣ воспользоваться его деньгами и кинулъ въ рѣку. Сіе самое заставило корпуснаго Командира, въ отвращеніе различныхъ толковъ, могущихъ дойти до Коканскаго владѣнія, отправить въ *Кокантъ* Посланника.

Я вызвался принять на себя сіе порученіе, и корпусный Командиръ немедленно отправилъ меня 16 Маія 1813 года въ Коканскому Владѣльцу съ Высочайшею ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА грамотою и всемилосивѣйшими подарками.

Я долженъ былъ слѣдовать подъ особеннымъ прикрытіемъ отряда козаковъ,

сѣ купеческимъ караваномъ, нарочно посланнымъ въ Коканію для открытія шпакша; караванъ сей состоялъ изъ 100 верблюдовъ и заключалъ въ себѣ на 200 тысячъ товаровъ.

Корпусный Командиръ далъ мнѣ инструкцію: сохранишь подарки въ цѣлости, обходишься съ Посланниками со всевозможною ласковостію, наблюдая однакожъ секретно крайнюю осторожность, дабы они не могли тайно скрыться, и не подавая имъ никакого подозрѣнія; на Коканскихъ границахъ отпустишь отрядъ, а съ Посланниками и купеческимъ караваномъ слѣдовать въ самой *Кокантѣ*; вручишь самому Владѣльцу подарки и испросишь отъ него отвѣщныя письма къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и Государственному Канцлеру; прилагаешь всевозможное попеченіе, дабы Киргизы не покусились на грабежъ каравана, и, еслии нужда попотребуется, отправишь нарочнаго на линію съ требованіемъ севурса.

Я простился съ женою и дѣтьми, поруча ихъ покровительству Всевышняго Провидѣнія, и мы всѣ вышли въ по-

ходѣ изъ Омска чрезъ Петропавловскую
крѣпость въ *Киргизъ-Кайсацкую* степь.

Степь сія примыкаетъ съ запада къ
рѣкѣ *Уралу*, съ сѣвера до *Уя* и Сибир-
ской линіи отъ рѣки *Тобѣла* до *Иртыша*,
къ востоку граничитъ рѣкою *Тцемѣ*, про-
винціями: *Хивой*, *Туркистаномъ* и проч.
на юговостокъ же и югъ рѣкою *Сыръ-*
Даръей, *Оралскимъ* озеромъ и *Каспій-*
скимъ моремъ. Обширныя степи сіи со-
стоятъ большею частію изъ открытыхъ
и сухихъ лощинъ съ песчаными мѣстами
и солончаками; полей плодоносныхъ мало,
а лѣсистыхъ мѣстъ и того менѣе.

Сѣверная полоса оныя находится
въ суровомъ климатѣ; тамъ зима про-
должается около 6-ти мѣсяцовъ, морозы
начинаются съ Октября; въ Мартѣ уже
показывается права, а лѣто почти все-
гда жаркое. Тучныя луга и безпрестан-
но встрѣчающіеся ключи, рѣчки и озера
способствуютъ скотоводству.

Кочующіе въ сихъ степяхъ Киргизы
по большой частіи средняго роста, сму-
глы; постоянный климатъ дѣлаетъ ихъ
здоровыми; живучи цѣлой вѣкѣ на возду-
хѣ и ведя кочующую жизнь, они способ-
ны переносить жаръ и холодъ; имѣющъ

грубую пищу, состоящую лѣшомъ изъ кумыса и молока, а зимой изъ лошадиного мяса съ разболтанною мукою. Занимаясь скотоводствомъ, они пренебрегаютъ хлѣбопашествомъ.

Киргизы всѣ вообще славные наѣзники; ибо дѣшей своихъ съ 4-хъ лѣшняго возраста сажаютъ уже на лошадей. Чрезвычайно честны, никогда не нарушаютъ данного слова, вспыльчивы, мстительны, сродны къ хищничеству, и всѣ страшны въ нихъ сильно дѣйствуютъ.

Говорятъ, что они потомки разсѣявшихся Моголовъ, кои нѣкогда мнили завоевать всю вселенную. Народы сіи, заславлявшіе препешать при одномъ своемъ имени, исчезли вмѣстѣ съ временемъ, оставя намъ по себѣ одно только воспоминаніе о ихъ злодѣяніяхъ; но всупая въ степь, при видѣ бродящаго народа, разбросанныхъ во множествѣ юрты и пасущихся стада и шабуновъ лошадей, переносишься въ тѣ вѣки и воображаешь видѣть воинскій станъ сихъ Моголовъ.

Киргизскій народъ раздѣляется на 3 орды: большую, среднюю и малую. Каждая

орда раздѣляется на волости, заключающія въ себѣ каждая отъ 3 до 5 тысячъ юртовъ, подѣ управленіемъ Султановъ; а волость раздѣляется на аулы, имѣющіе каждый отъ 30 до 70 юртовъ, подѣ управленіемъ почетныхъ бѣевъ или спаршинъ. Они не платятъ никакой дани; кочующая жизнь избавляетъ ихъ отъ большой подчиненности, и право сильного господствуетъ тамъ во всей силѣ. Сіе спольтибельное для общества право поселяетъ почти безпрестанную вражду между волостями; они часто ѣздятъ по ночамъ партіями къ сосѣдамъ для бараншъ или отгоноу скоша, за который съ обѣихъ сторонъ дерутся съ ошервененіемъ; жены ихъ, будучи также хорошими наѣздницами, сражаются вооруженныя колями и бердышами, и едва ли не превосходятъ въ лютости мужчинъ.

Киргизъ имѣетъ при себѣ ружье съ фишилемъ, дрошикъ, бердышъ, саблю, лукъ и стрѣлы.

Народъ сей исповѣдуетъ Магомешанскую вѣру, которая дозволяетъ имъ имѣть столько женъ, сколько кто въ состояніи прокормить. Женщины ихъ самымъ большимъ безчестіемъ почитаютъ безплодіе;

онѣ сшашны, пригожи, сильны и здоровы.

Такъ какъ Киргизы свято сохраняющѣ данное общаніе; то сватовство дѣлается между опцами при самомъ младенчествѣ ихъ дѣшей. Опецъ мальчика посылаетъ сватовъ съ предложеніемъ сыновней руки, общая дань за сіе калымъ, состоящій изъ столькихъ-то Калмыковъ, лошадей и рогатого скота, — и будущій жениховъ шешъ, давъ на сіе согласіе, посылаетъ ежегодно къ своему свашу для полученія части общаннаго калыма; когда сговоренные подрастающѣ, то ихъ знакомятъ другъ съ другомъ, а потомъ женихъ ѣздитъ гостить на недѣлю и на двѣ къ невѣстѣ.

Будущій шешъ за $\frac{1}{4}$ версты отъ своего жилища сшановитъ для жениха особую юршу. Женщины на каждую ночь приводятъ къ нему невѣсту и оставляютъ съ нимъ наединѣ; но скромность, можно сказать взлелеянная между сими грубыми дикарями, не дозволяетъ жениху упошребить и самомалѣйшую дерзость прошивъ невѣсты. Въ назначенный для свадьбы день собираются родшвенники; невѣста сквозь решетку поднятыхъ полъ

у юрты просягиваетъ къ жениху, который стоить подъ опкрытымъ небомъ, руку; мулла спрашиваетъ ихъ о согласіи, и потомъ, соединяя руку жениха съ невѣстиною, читаетъ молитву. Послѣ сего они дѣлаются уже супругами.

Если бы узнали, что невѣста не сохранила до брака свою непорочность (что слишкомъ рѣдко случается): то сваты убиваютъ убранную женихову лошадь, раздираютъ въ лоскушки его плащъ, и осыпаютъ невѣстинуго отца ругательствами.

Законовъ никакихъ не имѣютъ и утверждаютъ на одномъ Алкоранѣ, либо на естественномъ правѣ.

Цѣлый день мы шли по проложенной черезъ лѣсъ къ *Ишиму* дорогѣ, называемой *Аблай-Ханскою*, до урочища *Коротумара*, гдѣ встрѣчали по мѣстамъ въ большомъ количествѣ разбросанныя юрты и въ великомъ множествѣ пасущіяся стада Киргизовъ. Къ ночи уже, около 11 часовъ, мы развьючили верблюдовъ, расставили пюки на подобіе полукруга, сомкнувъ оной для безопасности опрядомъ козаковъ. Не смотря на усталость людей, должно было вываживать верблюдовъ для отдох-

новенія около 2 часовъ, а потомъ положили ихъ въ рядъ; что и въ послѣдствіи времени всегда дѣлалось; лошади же, изъ коихъ не болѣе 15 оставались не разсѣданными на случай опасности, загнаны были въ середину. На другой день на разсвѣтѣ, въ 5 часовъ, мы пошли опять лѣсами на урочище *Кукти-Рѣкъ*, опшуда спешью, проспирающеюся на сто верстѣ, къ урочищу *Юскомышъ*, опшоль на *Сарагатъ*, на рѣчку *Заглинку*, изобилующую рыбами, при коей обитающъ въ великомъ множествѣ разныхъ волосей Киргизы подѣ управленіемъ Хана *Валлія*.

Мы видѣли разсѣвленные по рѣкѣ ихъ подвижныя юрты, сдѣланныя изъ войлоковъ, напаянупыхъ на рамы; у богатыхъ оныя украшены были внутри пещрыми шелковыми матеріями. Передъ юртами стояли осѣдланныя лошади; внутри юртъ лежали молошныя мѣшки, а на стѣнахъ висѣло оружіе и конская збруя. Киргизы сидѣли безпечно, поджавши ноги у курящихся огней и рассказывали другъ другу о временахъ давно прошедшихъ; нѣкошорые, лежа уединенно на зеленѣющихъ пригоркахъ и играя унылыя пѣсни на сывызгѣ (инструментѣ на подобіе

флейты), пасли спада; а женщины выдбывали кожи, шкали и валяли войлоги. Разговаривая съ ними и вникая въ ихъ характеры, мнѣ казалось, что грабительство и жестокость сихъ народовъ, опнесши можно болѣе къ необузданному образу жизни и спремению къ мщенію, нежели къ чувствамъ природнаго ихъ побужденія.

Ввечеру Киргизы собрались толпою на берегъ, боролись, бѣгали въ запуски, стрѣляли изъ луковъ въ цѣль; иные изъ нихъ играли подлѣ юртъ въ домбру, (инструментъ, сдѣланный на подобіе ковша со струнами); а молодья дѣвушки, сидя вядѣ у рѣшетокъ въ юртахъ и приподнявъ полы войлоковъ, сопровождали сію музыку голосами. Признаюсь, хотя она была не слишкомъ привлекательна для слуха; но все сіе замѣнялось веселымъ и безпечнымъ видомъ жителей. Мы проспились съ сими беззаботными обитателями, и съ *Чаглинки* оправились на урочище *Тубаръ - Айгеръ*, покрытое по сторонамъ высокимъ лѣсомъ, годнымъ къ спроенію. Въ семъ мѣстѣ земля весьма удобна къ хлѣбопашеству, съ большими сѣнными покосами при озерахъ; сюда

ходящѣ Киргизы на ловлю волковъ, лисицъ и борсуковъ, и добываютъ соль изъ находящихся въ окружности небольшихъ соленыхъ озеръ, называемыхъ *Аманъ-Тузъ*. Они гоняются за звѣрями на лошадяхъ, съ собаками и обученнымъ беркушомъ (орломъ), котораго сажаютъ вмѣстѣ съ собою на сѣдло, покрывъ ему голову чехломъ, дабы онъ не развлекался встрѣчающимися ему предметами; при видѣ зайца, лисицы или дикой козы, скачущій Киргизъ сбрасываетъ съ беркуша чехолъ; онъ съ стремленіемъ налетаетъ на добычу, схватываетъ ее когтями и держитъ до шѣхъ поръ, пока хозяинъ его не подоспѣетъ. Беркушова сихъ они столь дорого цѣнятъ, что за одного отдають по нѣскольку лошадей и даже пѣнныхъ Калмыковъ. Отсюда пошли мы гористыми мѣстами на урочище *Машакъ-Камышъ*, покрытое лѣсами, при прѣсныхъ озерахъ, до урочища *Тетенбетъ-Карасу*, въ которомъ мѣстѣ высокіе хребты горъ, лежающіе къ горѣ *Кокгатау*, пересѣкають дорогу; мы шли безпрестанно каменистыми мѣстами, затруднявшими на каждомъ шагу путь нашъ; въ правой рукѣ, насупротивъ урочища *Такмаштау*, синѣлась

вдали, за три дни ѣзды, ужаснѣйшей величины гора *Коктатау*, скрывающая въ облакахъ свои вершины. Мы не встрѣчали во все время ни одного человѣка; ибо Киргизы въ лѣтнее время уходящѣ кочевашь по другую сторону горы сей. Дикія мѣста сіи и царствующая въ окрестностяхъ пишина, производящѣ какое-то неизъяснимое уныніе; а во время ночи освѣщаемыя сіяніемъ выходящей изъ-за *Коктатау* луны цѣпи хребтовъ горъ, опбрасывая по лощинамъ длинныя тѣни, приводящѣ путешественника въ невольное содроганіе.

Подошедъ къ горѣ, мы были поражены шумомъ бѣгущихъ изъ нее ключей, которые, спремясь съ вершинъ и разбиваясь о выдавшіяся скалы, впадающѣ въ большое изобилующее рыбами озеро, изъ коего вытекаешъ рѣчка *Янасу*, переходящая дорогу. За нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, Киргизы у подошвы горы сей копали мѣдныя и свинцовыя руды, и до сихъ поръ видны еще глубокія ямы. Самъ Ханъ *Атагасыкой* волоспи, *Валиханъ*, кочуешъ по близости оной, отъ коего запрещено Киргизамъ, подъ смертною казнію, опкрывать Рускимъ о

сихъ рудахъ. Киргизы занимаются ловлею хищныхъ звѣрей, обитающихъ по сей горѣ въ такомъ множествѣ, что они часто причиняютъ безпокойства, а не рѣдко и вредятъ проходящимъ малымъ караванамъ. Ошкуда мы слѣдовали на урочище *Турѣ-Айгѣ*, омываемое рѣчкою *Салентого*, выпекающею за 500 верстъ извилинами изъ горы *Ирейменя*, и впадающею въ *Куктетавское* озеро. Близъ *Турѣ-Айгара* находится озеро, имѣющее въ окружности около 30 верстъ, подъ названіемъ *Кегубай-Таркарѣ*, по срединѣ коего вышли изъ воды два камня, наподобіе небольшихъ домиковъ; по одну сторону на крупомъ берегу сего озера видно кладбище Киргизовъ, гдѣ надъ могилами построены деревянные четвероугольные надгробные памятники; у нѣкоторыхъ кургановъ мы видѣли воткнутыя копы и сдѣланныхъ изъ дерева яспребовъ; спросивъ на сіе истолкованія, узнали, что копы означало славнаго наѣздника, а яспребѣ пиццелова. Могилы они роютъ не глубокія; но за то сверху наваливаютъ груды земли и камней. Набожные Киргизы шѣла богатыхъ родственныхниковъ своихъ лѣтомъ увозятъ въ *Туркистанѣ*, чтобы тамъ предать

погребенію у гробовѣ святыхъ своихъ; а въ зимнее время, не имѣя средствъ безъ подножнаго корма шуда уѣхашь, вѣшающъ ихъ на деревьяхъ, обвивъ войлоками и бязями, и, по оширышїи весны, увозящъ уже въ *Туркистанѣ*. Провѣжая зимой по Киргизскимъ степямъ, съ ужасомъ иногда встрѣчаешь подобныя, развѣшанныя на деревьяхъ, покрышыя инеемъ, обледенѣлыя шѣла, качаемыя бурнымъ вѣтромъ.

Близъ сего озера Киргизы *Атага-вской и Сибанѣ - Кирѣвской* волостей имѣютъ зимовки, мѣняя проходящимъ караванамъ лошадей, верблюдовъ и барановъ.

Мы пришли въ то самое время, когда они судили одного изъ своихъ собратій; собранные, по повелѣнію Хана, старые бїи, сидя съ важностію на разосланныхъ поправѣ новрахъ, приговорили преслупника къ смерти; приговоръ исполненъ былъ въ одну минушу: на шею несчастнаго накинули арканъ, привязали конецъ онаго къ лошадиному хвосту, и всадникъ скакалъ по степи, влача его за собою до шѣхъ поръ, пока онъ не испустилъ духъ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Спросивъ о его преступленіи, я весьма удивился, узнавъ, что его казнили за кражу двухъ въ волости

барановъ, тогда, когда самые же сіи Киргизы, по поводу частной ссоры съ сосѣдами, ѣздящѣ по ночамъ въ чужія волости, и огоняющѣ цѣлыя стада рогатого скота и табуны лошадей, возвращая оныя не иначе, какъ черезъ выкупъ, посредствомъ нарочно собираемыхъ на шопъ случай съ обѣихъ сторонъ бѣевъ. Бараншы сіи дозволяются, по ихъ обыкновеніямъ и врожденному побужденію мстить за обиду, и не вмѣняются въ кражу.

Съ растерзаннымъ отъ сего зрѣлища сердцемъ, мы отправились далѣе на урочище *Карабатыръ-Сука*, называемое *Аланды*, что значить по Киргизски *злѣй*; ибо въ семъ мѣстѣ ихъ великое множество. Мы шли отъ самаго *Туръ-Айгера* до урочища *Долбрагы*, состоящаго на день ѣзды, густыми лѣсами, имѣя по обѣимъ сторонамъ крушыя горы; вѣтръ съ шумомъ потрясалъ листья деревьевъ и завывалъ въ ущеліяхъ горъ, разнося крики хищныхъ звѣрей и вороновъ, гнѣздящихся въ лѣсахъ сихъ. Въ семъ мѣстѣ дорога весьма опасна, по причинѣ набѣговъ Киргизъ, скрывающихся въ окружности лѣсовъ; мы слѣдовали съ большею прошивъ обыкновеннаго предосторожно-

ешію, дѣлая для устрѣшенія хищниковъ по временамъ выстрѣлы, и, къ щастію, прошли благополучно; ибо хопя нѣкопорые изъ нихъ и покушались укрась лошадей нашихъ; но какъ мы двоихъ поймали и высѣкли розгами, то другіе уже насъ и не обезпokoивали.

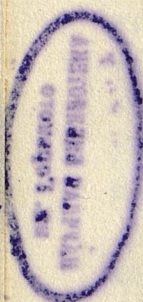
Ошшуда мы пошли по практу на урочище *Кугаку*, гдѣ встрѣхъся съ средней ордой *Туртаульской* волости, оспавались на двое супокъ для промѣну усталыхъ и неспособныхъ верблюдовъ, и запасались къ продовольствію баранами.

За два дни до прибытія нашего, похоронили они спаршаго бія; богатые родственники, въ память умершаго, сдѣлали по обыкновенію празднество, на которое приглашены были почешные люди по близости кочующихъ волостей; разспавили до 15 большихъ юртъ; гости пили кумысъ, а жены покойника завывали, драли на себѣ волосы и царапали лице, прославляя его храбрость, любовь къ нимъ и вѣрность. Онѣ выщипывали: сколь онъ былъ щедръ, съ какимъ спараніемъ смотрѣлъ за шабунами, сколько своимъ мужествомъ забралъ невольниковъ, сколько похишилъ скоша и такъ далѣе. Зарѣзано

было для яснвы до 80 лошадей и 60 ба-
 рановъ. Послѣ полудня, когда жаръ спалъ
 нѣсколько уменьшашься, началось конское
 ристаніе; мѣша (или барьеръ) поставле-
 на была чрезъ пространство 40 верстѣ;
 за нѣсколько верстѣ до мѣшы разстав-
 лены на лошадяхъ Киргизы коль скоро
 замѣчали, что у состязавшихся лошади
 на столь великомъ пространствѣ осла-
 бѣвали, подскакивали къ мчащимся всад-
 никамъ, подхватывали ихъ, для облегченія
 лошадей, подвѣруки и по нѣсколько верстѣ
 протаскивали за собою, зацѣпляя задыха-
 ющихся ихъ лошадей арканами за поводя
 и спремена. Сквозь густую пыль, под-
 нявшуюся до облаковъ олѣ копытѣ не-
 сущихся коней, мы видѣли, что нѣкоото-
 рые, желая пересѣчь путь своимъ сопер-
 никамъ, были съ воплемъ опрокидываны;
 иныя лошади, не выдержавъ столь дальняго
 разстоянія, издыхали у мѣшы, а нѣкоото-
 рые съ переломленными ногами лежали
 посреди поприща вмѣстѣ съ своими всад-
 никами. На первую обогнавшую лошадь
 назначено было въ награду 75 лошадей и
 7 Калмыковъ, на вторую 40 лошадей и 25
 коровъ, на третью 30 коровъ и 20 бара-
 новъ и шакъ далѣе, на послѣднюю же

лошадь полагалась одна кобылья голова. По окончаніи конскаго ристанія, бѣли приготовленныя кушанья, шумѣли, веселились и разошлись уже почти на другой день ушромѣ, получа на память лоскушки разрѣзаннаго плащья покойника.

Такъ какъ мы безпрестанно удалялись отъ границы, подходя къ Киргизамъ, не имѣющимъ уже никакого сношенія съ Россією; то, въ отвращеніе могущихъ случиться намъ прищѣсленій отъ нихъ, и дабы не сблизиться съ шакша, развѣдывали, гдѣ кочуетъ съ *Колытского* волостью Султанъ *Худай-Менда*, славящійся неограниченнымъ уваженіемъ и властію надъ сосѣдственными Киргизами, надѣясь выпросить у него вожашихъ, которые знаютъ водяныя и безопасныя мѣста. Намъ увѣдомили, что онъ кочуетъ за рѣкою *Ишилмо* у рѣки *Нуры*, при урочищѣ *Акмулъ*.

На другой день мы выступили къ *Ишилму*, перешли рѣку въ бродѣ при урочищѣ *Хотай-Бергенъ* и остановились въ семъ мѣстѣ на шрое сушокъ; козаки ловили бѣлую рыбу, и весь караванъ ею питался. Сдѣлавъ совѣтъ съ караваномъ, мы

послали къ Султану *Худай-Мендѣ*, дабы онѣ снабдилъ насѣ 2-мя вожаемыми и позволилѣ бы пройши сѣ караваномѣ по его волости. Мы ожидали онѣвѣща еще прое сушокѣ на одномѣ мѣстѣ, и наконецѣ, не дождавшись онаго, на 6-й день пошли далѣе, вырѣзывая по временамѣ на деревьяхѣ и камняхѣ Рускія надписи и означая имена наши, годѣ, мѣсяцѣ и число.

Близѣ рѣчки *Кузукугъ*, впадающей изѣ *Нурѣ* вѣ *Ишилѣ*, мы встрѣпили близѣ озера *Маликулъ* проходящихѣ Киргизовѣ, не имѣющихѣ никакого скопа; всѣ они были пѣшіе, вѣ разодранныхѣ рубищахѣ и несли на себѣ дѣшей. Они сѣ давняго времени раззорены сосѣдами отѣ бараншѣ, и сѣ большею нуждою пропитаніе имѣющѣ ловлею рыбы, кошую для сохранения зарывающѣ вѣ землю. Будучи далеко отѣ границѣ нашихѣ, они не могутѣ имѣть никакого сношенія сѣ Россіею. Большая часть изѣ нихѣ, для снисканія дневнаго пропитанія, находятсѣ у кочующихѣ по близости Киргизовѣ вѣ услуженіи, кошыре заставляющѣ ихѣ переходить на кочевье за собою пѣшими. Несчастные сіи собственнѣхѣ дѣшей своихѣ, чтобы они не умерли сѣ голода,

продающѣ проходящимѣ караванамѣ подѣ
видомѣ Калмыковѣ.

Мы всступили въ степь, занимаемую
Корлутскою волостью, гдѣ ошѣ привер-
женныхъ къ намѣ Киргизовѣ были увѣ-
домлены шайно, что *Кукстагай-Кирсен-*
ской и *Кирней-Каракисецкой* волостей Кир-
гизы хошашѣ сдѣлашѣ на насѣ нападеніе
при переходѣ чрезѣ рѣку *Нуру*, близѣ уро-
чища *Акмулы*. Видя угрожающую опас-
ность каравану и не имѣя средствѣ из-
бѣгнушѣ оной, я ошправилѣ шайно, по
данной мнѣ инспрукціи, къ корпусному
Командиру сѣ нарочнымѣ однимѣ уряд-
никомѣ при двухѣ козакахѣ рапоршѣ, до-
нося ему о злоумышленіи Киргизовѣ и
пребуя помощи; сами же, присп्राивая
себя къ той волости и переходя сѣ ни-
ми сѣ мѣста на мѣсто, во ожиданіи под-
крѣпленія, принуждены были уклоняшѣся
безпрешанно ошѣ настоящаго шракша.
Какая была прошивуположность между
нами и нашими новыми шоварищами: они
сѣ шоржешвеннымѣ видомѣ перекочевы-
вали сѣ мѣста на мѣсто; женщины ихѣ,
(по обыкновенію въ такихѣ случаяхѣ) на-
ряженные въ самые богатѣйшіе шелко-
вые халашы, всегда ѣхали верхомѣ на луч-

шихъ коняхъ, покрытыхъ хорошими чепраками и украшенныхъ перьями; мушкетеры окружали ихъ вооруженные; впереди дѣвши и шары гнали пучныя стада, а сзади шли навьюченные имѣніемъ и юртами верблюды, прикрываемые также частію вооруженныхъ Киргизовъ. Напротивъ того все купечество наше, можно сказать, было въ опчаяніи; всѣ думали, что лишатся вмѣстѣ съ имѣніемъ и жизни. Одна надежда оставалась на отдаленную помощь съ границы; — мы часто всходили на горы, смотрѣли въ подзорныя трубы вдаль необозримыхъ степей, раздѣляющихъ насъ отъ Россіи, не идетъ ли ожидаемый нами отрядъ; но онъ не появлялся. Иногда, видя поднимающуюся вдали пыль, мы радовались, воображая увидѣть Русскихъ; но пріятныя мечты сіи часто насъ обманывали. Придумывая, какъ бы доставить свѣдѣніе о мѣстопребываніи нашемъ отряду, который, предполагали, слѣдуетъ уже по степямъ въ подкрѣпленіе къ намъ, мы зарывали въ пепелъ записки съ означеніемъ, по какому шлѣху слѣдовали; на деревьяхъ и на встрѣчающихся развалинахъ пирамидъ вырѣзывали Рускія надписи;

въ ночи зажигали маяки, привязывали къ спрѣламъ горящія головни и, пуская ихъ вверхъ, мнили подашь шѣмъ знакъ о себѣ. Для ушрашенія хищниковъ, на вечерней зарѣ дѣлали по 20 и по 30 выстрѣловъ изъ большаго ружья, которое, дабы издавало большій гулъ, вставливали въ колесную трубицу, обшитую войлоками на подобіе пушки. Хищные Киргизы, узнавъ о сношеніи нашемъ съ Россією, хошя и были въ заговорѣ съ нѣсколькими волосщами, однако напасшь не рѣшались. Мы видѣли ихъ большими толпами разбѣзжающихъ вблизи насъ, вооруженныхъ копьями, ружьями, саблями и бердышами. Причина намѣренія ихъ разбить насъ, было мщеніе къ Рускимъ за то, что посланнымъ опрядомъ козаковъ, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они были наказаны угономъ скоша за ограбленіе Россійскаго каравана купца *Свѣшнікова* съ товарищами. Въ сіе споль кришическое для насъ время, къ довершенію нашего опчаянія, Султанъ *Худай-Менда*, спрашась принятіемъ насъ къ себѣ раздражишь Киргизовъ, и чшобъ, въ случаѣ разбитія каравана нашего въ окрестности волосши его, не пала на него вина,

объявилъ намъ чрезъ посланныхъ отъ него пеленгушовъ, дабы мы къ его волости не приближались. При семъ извѣстїи мы уже совсѣмъ поперялись.

Наконецъ, по прошествїи 29-ти дней, при переходѣ рѣки *Куланъ-Этмесъ*, близъ древней пирамиды *Бутагай-Тамъ*, подошла къ намъ часть столь нестерпливо ожидаемаго опряда, состоящая изъ спа чловѣкъ козаковъ, подъ командою Штабс-Ротмистра *Елгашкина*. Мы встрѣпили ихъ, какъ родныхъ братьевъ; проливали отъ радости слезы, опорожнили съ ними нѣсколько мѣховъ вина и пошли уже безъ боязни на рѣку *Асанъ-Куль*, гдѣ дождавшись остальнаго опряда подъ начальствомъ Поручика *Лукина*, оставались для переговоровъ съ Султаномъ *Худай-Мендою* шрое сушокъ. Днемъ для безопасности разставляли пикеты въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря разстояніемъ; а въ ночи, снимая оные, составляли изъ двухъ сотъ чловѣкъ цѣпь; при обозѣ также содержали караулъ до сорока чловѣкъ, и кони были безпрестанно въ коновязяхъ.

Султанъ, узнавъ о прибытіи опряда, назначилъ мнѣ для переговоровъ мѣсто на рѣкѣ *Акши-Куль*, въ 20 верстахъ отъ

лагеря, объявля, чтобы я никого съ собою не бралъ, кромѣ самыхъ необходимѣйшихъ. Положась на общаніе его не причинить мнѣ никакого вреда, я побѣхалъ къ нему съ 3-мя офицерами и 2-мя урядниками. Султанъ разбилъ къ приему нашему 10 палашокъ, вмѣщавшихъ въ себѣ каждая отъ 30-ти до 40 человекъ. При немъ было присла Киргизовъ, вооруженныхъ въ панцыряхъ и кольчугахъ; Султанъ имѣлъ около 60-ти лѣтъ отъ роду, былъ росту средняго и видомъ мужественъ. Вошедъ въ палашку, я увидѣлъ собранныхъ почетныхъ биевъ тѣхъ волосей, кои покушались напасть на насъ. Султанъ объявилъ при нихъ, что ополчилъ Киргизовъ отъ намѣренія ограбить насъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы отрядъ козаковъ былъ возвращенъ въ Россію. Онъ подчивалъ насъ чаемъ; вручилъ мнѣ письменное обязательство помянутыхъ биевъ не дѣлать намъ никакого вреда и, продержавъ насъ у себя около двухъ часовъ, позволилъ пройти съ караваномъ мимо его волости по рѣкѣ *Кунъ*, на урочище *Айртау* (раздвоившуюся гору). Въ семъ мѣстѣ онъ лично осматривалъ караванъ. Проходя мимо волости, *Шшабсѣ-Рошмиспрѣ* *Ел-*

гашкинѣ, чтобы заставилъ хищныхъ Киргизовъ бысть въ почтеніи къ намъ, растянулъ при караванѣ опрядъ разстояніемъ почти на полверсты. Султанъ *Худай-Менда* далъ намъ проводниками 16-ти лѣшняго сына своего, Султана *Кунгуръ-Ульжа* и племянника *Багхаиръ* Султана съ шеленгушами, сдѣлавъ имъ нужныя наставленія, и объявилъ желаніе свое, чтобы въ продолженіе 12-ти дней, то есть до того времени, пока мы съ караваномъ выйдемъ изъ опасныхъ мѣстъ, опрядъ, не возвращаясь въ Россію, оспавался на мѣстѣ. Здѣсь купцы дѣлали обмѣнъ верблюдовъ и лошадей, и многіе брали ихъ въ наемъ до обратнаго пути.

Мы простились съ Султаномъ и пошли съ новыми вожаками нашими колодцами и небольшими рѣчками, на коихъ видѣли множесство черныхъ шурхановъ, различныхъ родовъ гусей, утокъ, куликовъ и лебедей. До сихъ поръ мы оспанавливались для отдохна большаю частію при рѣчкахъ или колодцахъ: но въ семъ мѣстѣ принуждены были отъ оныхъ уклоняться; ибо по близости ихъ скопляется множесство змѣй и разныхъ ядовитыхъ гадовъ, шипѣніе коихъ мы изда-

дека еще слышали. Проходя мимо каменистых горъ *Октау* и *Уртау*, повстрѣчали Киргизовъ *Юсунъ-Конрадской* и *Алгинской* волосшей, имѣющихъ при себѣ разное оружіе; они споль звѣрски, что за отказъ напойки шабаку, бьютъ и сбкутъ нещадно людей, проходящихъ мимо ихъ съ малыми караванами; насъ самихъ опгоняли они безпрестанно опъ колодцевъ и не давали даромъ черпашъ воду, заспавляя оную покупашъ. Чшобъ не умереть опъ жажды, мы принуждены были изъ каравана опдавать имъ разныя бездѣлицы.

Близъ рѣки *Сарысу* нашли мы на кочующую *Сенгаръ-Каракисецкую* волосшь, изъ коей Киргизы вывозятъ на шрактъ въ проходящимъ караванамъ выработанный свинецъ въ слипкахъ, который они доспашутъ, по близости горъ сихъ, въ большомъ количествѣ. Идя по печенію рѣки сей шрое супокъ, мы повернули съ полудня на востокъ и пришли въ песчаныя сопки, называемыя *Джиты-Конгуръ*, гдѣ дорогою находили алебаспровые ушесы на подобіе стекла и извешпковый камень; на ровныхъ мѣстахъ видѣли самую мягкую расшрескавшуюся красную землю (при-

знакъ рудныхъ мѣстѣ), на коей, кромѣ 2-хъ родовъ полыню, не расстетъ никакой подножный кормъ. Одинъ родъ полыню сего годенъ токмо для сваренія кушанья, а другой служилъ сыпнымъ кормомъ для лошадей и верблюдовъ. Деревья въ семъ мѣстѣ весьма мѣлки; терновникъ замедлялъ ходъ нашъ и царапалъ въ кровь ноги лошадямъ и верблюдамъ.

Отъ самаго урочища *Куланъ-Етмесь*, люди въ караванѣ нашемъ, не могли переносить дѣйствія вредной воды, спрадали разслабленіемъ, головою болью, животомъ, и теряли аппетишъ; одно средство излѣчашъ ихъ отъ сей болѣзни было: растворяшъ въ водѣ взяшую съ границъ нашихъ землю, кошую мы опуская въ котлы въ уздахъ, варили; даже изнемогающимъ лошадямъ лѣкарство сіе приносило большую пользу.

Песками чрезъ сопки мы шли цѣлые 7 дней; пили изъ засоренныхъ селипренныхъ колодцевъ, выкопанныхъ Киргизами во время переходовъ на кочевье; колодцы сии, не смотря на усталость нашу, мы принуждены были очищать. Здѣсь, кромѣ камышу, лѣсу вовсе нѣтъ; изрѣдка пролегающъ луга, и кочующіе по близо-

сти Киргизы *Талинской* волости, не имѣя средствъ пасти стада, занимаются одною ловлею дикихъ козъ и кулановъ, набѣгающихъ на сіи колодцы.

По 7-ми дневномъ пуши, пройдя мимо соленого озера *Кукта-Тузъ*, мы прибыли на необозримую безводную степь, гдѣ, кромѣ штерновника, никакихъ уже растѣній не встрѣчали. Будучи предвѣдомлены вожаемыми о семъ безводномъ пуши, мы запаслись на полшора дни водою въ кожаныхъ мѣхахъ; пушъ видѣли мы древнюю каменную надгробную, называемую *Уванасъ*, въ видѣ пирамиды стоящую на возвышенномъ бугрѣ сей безмолвной, никѣмъ необишаемой степи. Ошъ сей надгробной, разстояніемъ ѣзды на одни сушки, мы пришли на рѣку *Цуй*, изобилующую рыбами, какъ то: щуками, сомами, язями и окунями. Въ камышахъ, простирающихся около 3-хъ верстъ въ окружности береговъ, обитають барсы, шигры, рыси и кабаны. По близости сихъ мѣстъ зимують Киргизы *Алгинской, Конрадской и Талинской* волостей; они пристрастились къ звѣриной ловлѣ до такой степени, что проводящъ въ семъ занятіи весь вѣкъ свой. Перейдя рѣку *Цуй*, отправи-

лись опять безводными песками до пограничнаго города Туркистанскаго владѣнія *Сузака*.

Туркистанское владѣніе прежде сего имѣло особаго владѣтеля, кошорый управлялъ онымъ независимо; но въ 1814 году совершенно покорено *Коканією*, управляется нынѣ Коканскими намѣстниками и влилось въ составъ Коканскаго государства. Владѣніе сіе граничило къ сѣверу съ *Киргизскими* *пестаными* *стелями*, къ западу съ *Бухарією*, къ югу съ *горными* *закаменѣнными* *Киргизами*, а къ востоку съ рѣкою *Тѹемъ*. Здѣсь, по мѣрѣ приближенія во внутрь Туркистанской области, путешественникъ встрѣчаетъ болѣе образованности въ гражданской жизни; уже начинаетъ видѣть обработанные поля, постоянныя селенія, и наконецъ представляющіяся взору его красивые города, въ коихъ находишся множество памятниковъ и гробницъ, заключающихъ въ себѣ прахъ ихъ священныхъ. Сюда спекаются всѣхъ состояній сосѣдственные Азіатцы на поклоненіе угодникамъ; а богаше привозятъ тѣла родственниковъ своихъ, дабы погребсти ихъ вмѣстѣ съ оными. Климатъ гораздо луч-

шій; земля производитъ различныя плодоносныя деревья, и обильныя поля украшаются душистыми цвѣтами. Здѣсь нѣкоторымъ образомъ управляютъ законы, которые совершенно предоставлены въ руки духовенства; оно разбираетъ всѣ тяжбы, ссоры и опредѣляетъ наказанія; такъ видимъ мы право феодальнаго правленія въ вѣка младенчества всей Европы. Туркистанца видишь уже не такимъ свободнымъ, вскормленнымъ природою среди степей человѣкомъ, каковъ Киргизъ; — онъ сжатъ, скрытенъ, надмененъ и уже знаетъ различныя ухищренія и обманы, къ несчастію, столь тѣсно соединенные съ гражданскою жизнію. — Жители сей страны также исповѣдуютъ Магомешанскую вѣру; въ супружество берутъ по большей части сосѣдственныхъ Киргизовъ, и каждую изъ женъ своихъ помѣщаютъ въ особый домъ.

Дорогою къ *Сузаку* мы находили весьма много черепакъ. Въ исходѣ Сенября на разсвѣтѣ караванъ остановился въ 4-хъ верстахъ разстояніемъ отъ города. Я съ чиновниками и Сулшанами былъ приглашенъ къ Правителю или Губернатору города; онъ насъ угощалъ чаемъ, вино-

градомъ, дынями; подчивалъ куришельнымъ пабакомъ, и потомъ позволилъ осмолрѣть городъ. *Сузакъ* заключаешъ въ себѣ до 500 каменныхъ домовъ, выспроенныхъ сплошь плошно одинъ къ другому, что войдя въ улицу, думаешь видѣть ее огороженною каменнымъ заборомъ; окны въ домахъ выспроены вообще на дворъ, во всемъ городѣ одна шокмо круглая улица. Городъ сей стоишъ на возвышенномъ мѣстѣ, къ яру обнесенъ высокою каменною стѣною, внутри изобилуешъ ключами; до 200 человекъ гарнизону охраняешъ городъ. Въ предмѣстїи его находящяся пашни и разсѣянныя юрты бѣдныхъ Киргизовъ; жишели прудолубивы, занимающяся хлѣбопашествомъ и производяшъ мѣну товаровъ съ кочующими на *Сарыѣ* и *Цуѣ* Киргизами. Женщины ихъ весьма ласковы и сплошь знакомышы, что приходили многія изъ нихъ въ караванъ нашъ. Братъ Туркистанскаго владѣтеля, Султанъ *Шай-Темиръ*, управляетъ симъ городомъ. Такъ какъ проводникъ нашъ, Султанъ *Кунгуръ-Ульжа*, былъ родственникъ управляющаго городомъ; шо сей послѣдній, хотя бы и могъ порученныхъ моему надзору Коканскихъ посланниковъ

задержавъ, сдѣлавъ своими плѣнниками; ибо *Туркистанцы* имѣли тогда войну съ *Жоканією*; однако, въ угодность Султану, онъ не токмо не причинилъ имъ никакого вреда, но совѣщивалъ еще для ихъ безопасности, дабы Туркистанскій владѣтель, братъ его, не узналъ о ихъ присутствіи, идши къ сѣверной Черной горы, *Каратау* называемой, въ 25 верстахъ отъ города отстоящей. Онъ взялъ пошлины съ каравана, по оцѣнкѣ, сороковую часть.

Избѣгая могущихъ случиться съ караваномъ непріятностей, мы приняли совѣтъ его и пошли степью, проспирающеюся на пять сутокъ ѣзды; мы повстрѣчали въ семъ мѣстѣ Киргизовъ, которые отъ набѣговъ разбойниковъ и черныхъ закаменѣнныхъ Киргизовъ, имѣютъ каменныя укрѣпленія, по близости коихъ видны обработанныя поля и подвижныя юрты. Они занимаются хлѣбопашествомъ, промѣнивая хлѣбъ кочующимъ Киргизамъ на скотъ, который опять передаютъ проходящимъ караванамъ за товары; въ опасныхъ случаяхъ они въ укрѣпленіяхъ своихъ скрываютъ стариковъ, женъ, дѣтей и скотъ, защищая ихъ до послѣдней капли крови.

По пяти-дневномъ пути, дошли мы до урочища *Тулакъ - Ашу*, то есть: короткий переходъ, гдѣ соединяется гора *Алатавская*, смежная съ обитателями черныхъ закаменѣнныхъ Киргизовъ. Перешедъ гору сію, пошли равными мѣстами по протекающимъ ключевымъ рѣчкамъ къ каменной горѣ, называемой *Арастанъ-Тау*, то есть: львиная пещера. Привлекательное положеніе мѣстъ, запахъ ароматическихъ травъ и душистые цвѣты, коими усѣяны были зеленѣющіеся берега сихъ прохладныхъ рѣчекъ, сокращали для насъ дорогу, содѣлывая оную весьма пріятною. Въ горѣ *Арастанъ-Тау* находится просторная, ископанная природою пещера, имѣющая съ четырехъ сторонъ входы; по одному изъ оныхъ, который былъ опложе, я на лошади вѣзжалъ въ пещеру, обросшую мхомъ и наполненную обломками камней и сухихъ прутьевъ; кажеяся, нога человѣческая никогда не вступала въ оную. Взойдя на гору, мы могли обозрѣвать на разстояніи 20-ти верстъ отдаленные предметы, позлащаемые лучами восходящаго солнца. Вдали видны были впереди юрты большой Киргизъ-Найсацкой орды *Юсунъ-Сыргалинской* во-

лости, кочующей при рѣкѣ *Туралтаѣ*, вытекающей изъ горы *Алатау*. Для ночлегу мы пошли въ симъ юртамъ, и хозяева оныхъ не причинили намъ никакого вреда.

Переночевавъ, отправились на Туркисханскій городъ *Симкетъ*, завоеванный Ноканцами, близъ коего видѣли обиталище прежнихъ Киргизовъ, ихъ сады, курганы и поля; теперь все это запустѣло, ибо они перешли кочевать въ Кишайскимъ границамъ. Мы расположились ночевать на рѣкѣ *Арсѣ*, съ шумомъ выпадающей съ горъ. Опустѣлая мѣста сии и курганы, по временамъ освѣщаемые блѣднымъ сіяніемъ луны, проглядывавшей между гонимыхъ бурнымъ вѣтромъ тучъ, живо напоминали о превращеніи временъ и о гибельныхъ войнахъ, поглощающихъ цѣлыя государства и народы. Въ сихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ раздавались нѣкогда по пригоркамъ клики тысячи людей, теперь нарушается безмолвная тишина однимъ шумомъ клубящейся съ горъ рѣки, и встревоженный обитатель давно покинулъ жилище, гдѣ нѣкогда вкушалъ прелести беззаботной жизни.

На другой день мы дали знать о своём прибытіи начальнику, который принялъ меня ласково, угощаль бывшаго со мною у него офицера и нѣкопрыхъ козаковъ, и далъ для сопровожденія до города *Ташкента* 200 человекъ войска. *Симкетъ* находится при рѣкѣ *Бодамъ*; выстроены на возвышенномъ мѣстѣ и обнесены кѣ яру весьма высокою стѣною. Възды въ городъ со стороны рѣки по узкой дорогѣ, не позволяющей ѣхать иначе, какъ въ одну лошадь; вода, пущенная изъ рѣки чрезъ сдѣланныя въ стѣнѣ окошки, наполняетъ ископанные въ городѣ каналы, на коихъ построены мельницы; дома выстроены изъ нежженаго кирпича, наподобіе Китайскихъ, безъ оконъ; почему для свѣту въ кварширахъ вездѣ видишь распворенныя на улицахъ двери. Женщины ихъ довольно пригожи, обходительны и не скрываются отъ мужчинъ.

Для отдохновенія лошадей и верблюдовъ, мы пробыли съ караваномъ на одномъ мѣстѣ въ 3-хъ верстахъ отъ города шрое сутокъ, и потомъ пошли межъ горъ кѣ помянутому городу *Ташкенту*; на другой день дошли до высочайшей горы *Козыгуртъ*, на высотѣ коей, утверждающъ

Азіатцы, будшо находится днище Ноева ковчега. Такъ какъ гора сія имѣетъ безчисленное множество хребтовъ и ущелій, въ коихъ скрываются хищники; то я и не могъ бытъ на ней. Ночевавъ на рѣчкѣ *Калесѣ*, выпадающей межъ двухъ горъ оныхъ черныхъ Киргизовъ, на 3-й день подошли къ *Ташкенту*, и за 5 верствъ остановились на рѣчкѣ *Каракамышѣ*.

Ташкентское владѣніе граничитъ къ северу и западу съ *Бухарією*, къ югу съ хребтомъ *Кыдыртаускихъ горъ*, а къ востоку съ *терными, закаменными Киргизами*. Оно было сначала независимымъ, но теперь присоединилось также къ *Коканіи*. Въ семъ мѣстѣ самый лучший климатъ и, можно сказать, почти вѣчное лѣто. Земля производитъ все то, что можешь удовлетворять вкусу и взору самаго роскошнѣйшаго человека. Пробъжая владѣніе сіе, вездѣ видишь виноградники и фруктовые сады, въ коихъ гранатовыя, апельсиновые, персиковыя и фиговые деревья стгибаются подъ тяжестью плодовъ своихъ; а безпрестанно встрѣчаемые ключи, рѣчки и искусственные водопроводы, осылаемые высокими полами, кажется,

призываютъ путешественника къ прохладнымъ спруямъ своимъ. Ташкенцы здоровы, безпечны, роскошны, преданы до чрезвычайности веселостямъ, разнѣжены, любящъ музыку, ласковы и спрастны къ женщинамъ. Въѣзжая въ города, встрѣчаешь жителей безпрестанно толпящихся на улицахъ, пляшущихъ у воротъ или увеселяющихся въ садахъ своихъ музыкою; шамъ кажется вѣчное празднество. Кромѣ особеннаго класса ремесленниковъ, они всѣ вообще ведутъ праздную жизнь, довольствуясь изобиліемъ садовъ своихъ; подашей никакихъ не платящъ, и идущъ въ службу единственно по доброй волѣ. По случаю безпрестанно проходящихъ каравановъ, шамъ вѣчное сшеченіе различныхъ Азіатцевъ. Ташкенцы исповѣдуютъ Магомешанскую вѣру. Женщинъ запрещается видѣть подъ спрожайшимъ наказаніемъ; даже родные не имѣютъ права входить въ комнату родшвенницъ; — хозяева домовъ для пріема гостей имѣютъ отдѣльныя комнаты. Я женщинъ видѣлъ токмо на базарахъ, но подъ покрываломъ; онѣ спройны и одѣваются весьма богато, наидываютъ на себя халаты, на головахъ носятъ чалмы,

а на лице спускающѣ волосяную сѣпку, которая пришивается къ халату.

Когда мы увѣдомили о своемъ прибытіи Главнокомандующаго; то онѣ, выславъ шамошнихъ чиновниковъ для взятія пошлины съ каравана, пригласилъ меня съ козацкимъ офицеромъ къ себѣ, принялъ весьма ласково и просилъ съ находящимся при насъ изъ 40 человекъ опрядомъ идти въ самый *Кокантѣ*, общая всякое съ своей стороны пособіе; каравану же предложилъ войти въ городъ.

Послѣ уже мы узнали, что все сіе дѣлалъ онѣ единственно для того, чтобы имѣвъ случай предать насъ всѣхъ Владѣтелю своему. Онѣ опшелъ намъ по другую сторону города палашки, гдѣ мы съ опрядомъ оставлены были четверо сутокъ, подѣ благовиднымъ предлогомъ, давъ опдыхъ изнуреннымъ лошадямъ нашимъ: когда же вздумали слѣдовать далѣе; то дабы обезсилилъ малый опрядъ нашъ, принуждалъ оставишь для присмотра за приспальными лошадьми 15 человекъ козаковъ при одномъ урядникѣ, и задержалъ караванъ, хотя и взялъ съ него пошлину.

Должно было повиноваться необходимости; я оставилъ въ городѣ караванъ и помянутое число козаковъ, а съ осмалънымъ отрядомъ и посланниками — коихъ онъ много спрашивалъ и почти силою вынудилъ отдать ему въ подарокъ Все-милосивѣйше пожалованные въ Петербургъ халаты — выступилъ въ походъ безъ проводниковъ, не успѣвъ осмотрѣть города. Къ счастью, одинъ изъ бывшихъ со мною посланниковъ зналъ дорогу.

Мы переходили съ большимъ трудомъ въ бродъ рѣку *Сиртикъ*; она шалъбыстра, чѣмъ увлекаетъ за собою камни, и лошади едва въ состояніи были идти черезъ нее. За 15 верстъ не доходя сей рѣки, уже слышанъ шумъ ея; даже козы, барсы и пигры, спращающиеся сего шума, далеко бѣгутъ отъ нее въ лѣса или скрываются по ущелинамъ горъ. Она выпадаетъ съ стремленіемъ съ касающейся почти до небесъ горы *Кыдыртау*, которая намъ была видна еще изъ *Ташкента*, наподобіе облака. На вершинѣ горы сей лежатъ вѣчные снѣга; а внизу видишь множество плодоносныхъ деревьевъ, лѣсовъ и ключей. Разительное положеніе сихъ мѣстъ, сія рѣка, съ стремленіемъ увлекающая за со-

бою камни, и сіи глыбы вѣчныхъ снѣговъ, грозящія какъ будто низвергнуться съ вершины горы, дабы подавить зеленѣющія долины, кажется, ожидающъ превосходной киспи *Салваторъ - Розы и Эвердингена*. Мы обошли гору и вошли близъ рѣки *Даріи* въ ущеліе каменистыхъ горъ, копорыя, возвышаясь по обѣимъ сторонамъ вверхъ болѣе нежели на 30 сажень, образовали дорогу, до 10-ти сажень ширины имѣющую. Навислые камни, выросшіе на крутыхъ утесахъ горъ сихъ, казалось, угрожали намъ своимъ паденіемъ. Между сихъ горъ разбросаны Коканскія селенія восточныхъ Персіянъ, называемыхъ *Голгали*, т. е. горскими народами, копорые занимаются хлѣбопашествомъ и разведеніемъ фруктовыхъ садовъ; лошадей не имѣющъ и употребляющъ въ работу однихъ верблюдовъ. Жители сіи весьма свирѣпы, обходились съ нами очень грубо; они весьма равнодушны къ женщинамъ и, не подражая обыкновеніямъ Ташкенскимъ, позволяющъ имъ ходишь съ открытыми лицами.

По практу на *Кокантъ* мы пошли мимо горы *Ходжандъ*, въ 15-ти верстахъ отъ горскихъ жителей описующей. По

дорогѣ находятся обработанные поля, а вокругъ горы вырытыя ямы, гдѣ Ташкенцы добываютъ бирюзу; не въ дальнемъ отъ сего разстояніи видѣли по близости ключей древній памятникъ, имѣющій внутри отверстіе, посреди коего выкладена каменная могила. Въ семъ мѣстѣ мы останавливались, и поили верблюдовъ и лошадей.

Оттуда идучи близъ переправы рѣки *Сырѣ-Даріи* песками, усмотрѣли вѣдѣ на возвышенномъ мѣстѣ стояція каменные зданія наподобіе казармъ, нѣмъ необитаемые; судя по тому, что оныя строены съ извѣсткою (кошорую вовсе не употребляютъ ни Ташкенцы ни Коканцы, ибо они дѣлаютъ связь изъ глины съ хлѣбными пелерами), должно полагать, что зданія сіи построены прежде обитаемыми въ сихъ мѣстахъ народами. Основываясь противъ маленькаго городка *Камышъ-Кургана*, близъ ключей ночевали, и на другой день уже пошли на самую рѣку *Сырѣ-Дарію*, имѣющую около 150-ти сажень ширины. Переправа чрезъ оную устроена на большихъ судахъ наподобіе садковъ, вмѣщавшихъ въ себѣ до 70-ти

верблюдовъ; за опмѣлями, суда сіи не могли подойти близко къ берегу, и мы принуждены были веспи верблюдовъ до оныхъ въ бродъ, а пошомъ, съ помощію людей, впаскивали ихъ въ суда; лошади же наши переплыли рѣку вплавъ. Для насъ довольно спранныю показалаь сія переправа: по вводѣ верблюдовъ съ пюками, Коканцы къ каждому судну привязали по пяти взнузданныхъ лошадей за гриву къ сшегни; двѣ изъ нихъ были по споронамъ носа, двѣ по споронамъ кормы, а одна привязана была сзади вмѣсто руля. Лошади сіи пустились вплавъ, замѣняя греблю и шаща вмѣстѣ съ собою судно; у каждой лошади приспавленный особый чловѣкъ управлялъ поводами такъ, чшобы всѣ онѣ вообще плыли нѣсколько наискосокъ шеченія. Когда суда приспали къ берегу, то лошадей опвязали и вывели на берегъ; — не смопря на быспрому рѣки и на шяжестъ груза, мы не примѣшили въ оныхъ никакой усшалоспи. При сей переправѣ содержишся караулъ изъ 20-ти Коканцевъ. Такъ какъ насъ на переправѣ сей встрѣпилъ опкомандированный опъ Коканскаго Владѣшеля чиновникъ; то мы не заплашили за переправу шой пошлины,

которую обыкновенно берутъ съ проходящихъ каравановъ.

Переправясь очень рано, пошли мы съ провожаемыми по лежащему тракту чрезъ песчанья горы, гдѣ на простираниѣ 20-ти верстъ совершенно никакихъ произрастѣній не встрѣчали, и подойдя къ деревнѣ *Каралолясамъ*, остановились ночевать. Жители оной занимающаея хлѣбопашествомъ, разведеніемъ садовъ, шелковичныхъ червей и посѣвомъ хлопчатой бумаги; — деревня сія заключаетъ въ себѣ до тысячи домовъ, складенныхъ изъ глины, безъ половъ, оконъ и печей, въ коихъ для холоднаго времени сдѣланы каминны. Въ деревняхъ *Коканскихъ* женщины опшмушинъ не скрываются; — поселяне живутъ безъ нужды, ибо никакихъ подазей не платятъ, кромѣ того, что въ проѣздѣ тамошнихъ чиновниковъ обязаны давать имъ содержаніе и кварширы; рекрутскихъ наборовъ не знаютъ и идутъ въ службу единственно по доброй волѣ. Земля у нихъ хошя глинистая и солонцоватая, но весьма хлѣбородная. Мы шли цѣлый день деревнями, и при закатѣ солнца, около 5-ти часовъ, подошли къ городу *Коканту*.

Коканское государство, до присоединенія къ оному Туркистанскаго и Ташкенскаго владѣній, граничило къ сѣверу *терскими закаменными Киргизами*, къ западу *кочевными Арабами и Тухменцами*, принадлежащими Бухаріи, къ югу *восточными горскими Персіанами*, называемыми *Толгами или Каратигинями*, а къ востоку *областію Кашкаріею*; — нынѣ же, какъ уже выше сказано, помянушыя два владѣнія, поступя въ составъ Коканскаго государства, увеличили собою границы онаго. Сіи самыя страны, извѣстныя Европейцамъ подъ названіемъ независимой Ташаріи, были пою колыбелію, изъ коей вышли всѣ народы, погромившіе почти весь тогда извѣстный міръ, и коихъ потомки и понынѣ владѣютъ надъ Азіею. Большая часть народовъ, прилежающихъ къ восточной и юговосточной сторонѣ къ Коканской порубежной линіи, нынѣ подданные или данники Китайцевъ, покорившихъ ихъ силою оружія въ 1789, 790 и 791 годахъ.

Самые достопримѣчательные города, находящіеся по близости Коканскаго государства, суть: *Самаркандъ*, столица славнаго *Тамерлана*; *Балха* и *Бокара*,

извѣстные безпримѣрною жестокостію
Тингисъ-Хана; Отраръ, гдѣ умеръ *Тамер-*
ланъ, и *Тонкатъ*, въ коемъ *Тингисъ-Ханъ*
 держалъ общій сеймъ всѣхъ Хановъ, пра-
 вишелей областей и военачальниковъ своей
 имперіи. На семъ сеймѣ представлялось
 ему тогда 500 человекъ посланниковъ отъ
 покоренныхъ имъ земель; а одинъ изъ его
 сыновей сдѣлалъ подарокъ ему, изъ 100,000
 лошадей состоящей!! Въ семъ мѣстѣ кли-
 матъ жаркій, и по мѣрѣ приближенія на-
 востокъ, дѣлается столь несстерпимымъ,
 что даже пшпцы, не будучи въ состояніи
 переносить зноя, улетаютъ далеко отъ
 сихъ мѣстъ; по сему самому здѣсь встрѣ-
 чаетъ только скрывающихся въ камняхъ
 и камышахъ небольшихъ степныхъ ку-
 рицъ, называемыхъ гагя, и фазановъ.
 Жители много бы имѣли сходства въ ха-
 рактерѣ съ Ташкенцами; но побѣды сдѣ-
 лали ихъ весьма надменными. Роскошь,
 нѣга и удовольствія, основанныя на сла-
 столюбивомъ свойствѣ, заставляющъ
 ихъ изобрѣщать различные способы къ
 чувственнѣмъ наслажденіямъ; — и я не
 знаю, должно ли приписать скромности
 женщинъ ихъ, или чему другому, что
 во всемъ Коканскомъ государствѣ нѣтъ

ни одного публичнаго дома, ни одной женщины, торгующей своими прелестями. Нокапцы имѣющѣ торговлю: съ *Кашка-рѣю*, *Китасмѣ*, *Хивою*, *Бухарѣю* и *во-стотчыми горскими Персіанами*.

У заставы города *Кокакта* мы одѣли козаковъ въ полную аммуницію. Войдя въ городъ, проведены были мимо дворца съ посланниками до назначеннаго намъ мѣста въ концѣ города, гдѣ поставлены были въ саду, неимѣющемъ никакого другаго жилища, кромѣ одной избы. Здѣсь пошѣ же часъ взяли отъ меня посланниковъ, и дали для козаковъ 2 юрты; я же для себя съ Сопникомъ *Безбязковымъ* разбилъ бывшую съ нами палашку, а лошадей въ саду развязали по коновязямъ. Къ намъ приставили караулъ изъ 15-ти человекъ при 1-мъ чиновникѣ, и не позволяли выходить вонъ изъ саду; лошади цѣлыя сутки не имѣли корму.

Въ ночи пріѣхалъ ко мнѣ Визирь; сначала спрашивалъ: за чѣмъ мы пріѣхали? Потомъ началъ ему, что мы прибыли для открытія съ ними торговли и для препровожденія посланниковъ. Потомъ онъ сдѣлалъ вопросъ: гдѣ главные два посланника? И я долженъ былъ объяснить, что

они были милостиво приняты Россійскимъ ИМПЕРАТОРОМЪ, и отпущены надѣленные подарками въ свое отечество; что одинъ изъ нихъ на возвращномъ пути въ крѣпости Петропавловской, ожидая каравановъ, умеръ отъ болѣзни; а другой, по развратной жизни своей, свелъ непристойное своему званію знакомство съ сосланнымъ въ заточеніе солдатомъ, слѣдствиемъ коего было то, что онъ убилъ его; что за сіе преступленіе, по повелѣнію корпуснаго Командира, сей солдатъ содержимъ подъ карауломъ въ оковахъ, во ожиданіи спрожайшаго наказанія отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Наконецъ онъ спрашивалъ: гдѣ караванъ нашъ? И я отвѣчалъ, что Градоначальникъ *Ташкента* оставилъ его въ городѣ *Ташкентѣ*; а я, по Высочайшему повелѣнію ГОСУДАРЯ моего, пріѣхалъ сюда сдать посланниковъ, и вручить Владѣтелю Высочайшую грамоту и подарки. — Отобравъ сіи свѣденія, онъ отъ меня уѣхалъ. На другой день опять возвращаясь, объявилъ, что Владѣтель назначилъ для нашихъ лошадей и верблюдовъ въ сутки по 4 чешверти бѣлояроваго пшена и по 200 сноповъ сѣна, полагая на каждую лошадь и вер-

блюда по 2 снопа сѣна и по 10-ти фунтовъ пшена; для насъ же всѣхъ на 30 человекъ приказалъ давать: по одному барану, по 50-ти бѣлыхъ крупчатыхъ хлѣбовъ, въсѣмъ каждый въ 1 фунтъ, по четвертику сарачинскаго пшена, по полуфунта низкаго соршу чаю и по одной дынь. Для лошадей и верблюдовъ продовольствія сего было весьма недоспашочно, и мы принуждены были прикупать пшено сѣе въ душкахъ. Произрастѣніе сѣе имѣетъ вышины болѣе двухъ аршинъ, а толщиною въ три пальца, съ большими листьями; на концѣ же онаго большая кисть съ пшеномъ; сѣи души мы спрогали ножами и клали въ хрешухи.

Мы прибыли въ *Кокантъ* уже въ первыхъ числахъ Октября; зимы тамъ не было, погода была теплая, деревья имѣли листь, и земля одѣта была правою. Съ утра до 5-ти часовъ вечера продолжался жаръ; а ночи были темныя и нѣсколько холодовашья.

На другой день другой чиновникъ присланъ былъ спросить меня: точно ли посланъ былъ караванъ для открытія торговли и дѣйствительно ли оставленъ въ *Ташкентѣ*?

Въ продолженіе нашего арестѣа народѣ съ утра до ночи шолпился въ саду смошрѣшь на насѣ, какѣ на чудо; разсмашривали нашу аммуницію, красныя козацкія шапки, сабли, ружья и пистолешы; до сего времени они не видали еще ниодного Рускаго! Мы не имѣли покоя ни на минушу, и караулѣ принужденѣ былѣ выгоняшь ихѣ палками. Когда намѣ позволено было лошадей выпустить на подножный кормѣ, гдѣ пасущся шокмо аргамаки Владѣтеля; то главные чиновники просили насѣ показатѣ имѣ конную и пѣшую экзерциціи. Козачій офицерѣ выбралѣ лучшихѣ козаковѣ, маршировалѣ, палилѣ плушонгами, дѣлалѣ атаку, и сими маневрами совершенно изумилѣ Коканцевѣ. По окончаніи экзерциціи, просили они показатѣ имѣ вблизи нѣсколько козаковѣ; мы, дабы засшавить ихѣ болѣе бытъ въ почшеніи къ себѣ, посадили шроихѣ человекѣ нарочно на тѣхѣ лошадехѣ, на коихѣ въ чушкахѣ были уже заряженные пистолешы; а какѣ козаки въ дорогѣ носили пистолешы въ сакмѣ на сабельномѣ поясѣ: то и вышло такѣ, что каждый изѣ нихѣ имѣлѣ при себѣ чешыре пистолеша, пикѣ, саблю и ружье. Коканскіе

чиновники, разсмапривая все сіе и записывая о количествѣ оружія каждаго, говорили, что съ такимъ вооруженіемъ одинъ Руской въ состояніи защищаться прошиву спа человекъ на подобіе неприступной стѣны. Замѣчая, что подлѣ Высочайшей грамошы ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ палашиѣ моей всегда стоялѣ часовой, они спрашивали: не ужели онъ не можетъ опойти опѣ сего мѣста, и не долженъ спать ни днемъ, ни ночью? И когда я разсказалъ, что часовой не токмо за сохраненіе ввѣренной ему вещи отвѣтствуетъ жизни; но что и за оставленіе поста своего неминуетъ по законамъ разспрѣливается: то они сему чрезвычайно дивились.

По прошествіи 11-ти дней ареста, мнѣ назначили день для поднесенія Владѣтелю *Амиръ Валліали* Высочайшей грамошы и подарковъ. Опѣ самага нашего саду до дворца, то есть на разстояніи 15-ти верстѣ, выстроены были по обѣимъ сторонамъ дороги конныя войска, вооруженныя саблями, копьями и ружьями съ фишилями. Гвардія ихъ, называемая *Калеобатери*, была на лучшихъ аргамакахъ, въ богатыхъ плащяхъ и въ кра-

сныхъ чалмахъ; прочія же войска имѣли чалмы бѣлыя.

Около 12-го часу утра я выѣхалъ изъ саду съ офицеромъ *Безъязыковымъ* верхомъ; козаки же наши были спѣшны и раздѣлены на 2 взвода, между коихъ 4 человека при 1-мъ урядникѣ несли ящикъ съ Высочайшею грамошою и подарками. Передъ нами ѣхалъ главный чиновникъ въ лапахъ со щипцомъ, имѣя возлѣ себя вершника, который безпрестанно билъ въ лишавры. Коканцы весьма удивлялись, что козаки, не разспроивая взводовъ, шли прямо чрезъ пропущенные по улицамъ ключи, хотя вода и не касалась имъ выше лодышекъ, и называли Рускія войска безсмертными. При приближеніи нашемъ къ каждой сошнѣ, начальникъ оной всегда присоединялся къ провождавшему насъ чиновнику, и слѣдовалъ рядомъ съ нимъ до другой сошнѣ, гдѣ другой сошенный начальникъ смѣнялъ его. Пройдя конницу, мы увидѣли пѣхошу, которая хотя и стояла во фронтѣ, но держала ружья по своему произволу: иной къ ногѣ, а иной на плечо. Намъ замѣтно было, что, за недоспашкомъ войска на столь дальнемъ разстояніи, задніе обѣгали другими ули-

тами и опять становились впереди по назначенному намъ пуши.

Не доходя до дворца 150-ти сажень, намъ приказано было сойти съ лошадей, и мы пѣшіе приведены были вмѣстѣ съ козаками къ ворошамъ обширной ограды дворца, гдѣ дожидались около получаса, пока о насъ докладывали. Спеченіе народа было столь велико, что всѣ возвышенныя мѣста, дома, кровли, стѣны и заборы устѣяны были любопытными зрителями. У дворца мы видѣли множество наваленныхъ морширъ и пушекъ безъ лафетовъ.

Вышедшіе изъ ворошъ два чиновника спросили: кому поручена грамоша? и по полученіи отвѣта, ввели меня въ ограду и показали смотрящаго изъ окна Владѣтеля, сказывая, чтобы я опдалъ ему такую же почестъ, какъ своему Государю. По ихъ обыкновенію, не позволяется снимать шапокъ; и я, скинувъ шляпу и опдавъ ему поклонъ, надѣлъ опять оную. Около палатъ въ оградѣ подъ навѣсами сидѣли на покрытыхъ коврами возвышенныхъ мѣстахъ въ рядъ Визиря и всѣ главные чиновники, составляющіе верховный совѣтъ Владѣтеля.

Я развернулъ Высочайшую ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА грамоту и переводное письмо Государственнаго Канцлера и, держа оныя на головѣ обѣими руками, приведенъ былъ подѣ руки въ комнату Владѣтеля, который сидѣлъ на возвышенномъ шронѣ съступенями. Владѣтель былъ не болѣе 25-ти лѣтъ отъ роду, имѣлъ на себѣ Кишайскаго шпофа на золотѣ блестящій халатъ, а на головѣ шаль съ золотыми бахрамами и кисьями. Меня подвели къ нему подѣ руки два Визиря, а 3-й отворялъ двери. Приказано было преклонить колѣно; и *Амиръ Валліали*, принявъ у меня съ головы грамоту и переводное письмо, отдалъ оныя споявшему подѣ него Визирю; потомъ вставъ съ шрона, подалъ мнѣ руку, которую, по ихъ обыкновенію, я долженъ былъ пожать обѣими руками. Послѣ сего безмолвнаго привѣтствія, меня взяли Визиря опять подѣ руки и отвели, не оборачивая къ нему спиною, къ самой двери. Владѣтель спрашивалъ о здоровьи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и не имѣю ли я какихъ словесныхъ повелѣній? Я отвѣчалъ, что не имѣю и что все заключается въ сей грамотѣ и въ имѣю-

щихся при мнѣ двухъ письмахъ корпуснаго командира Генералъ - Лейпенамша *Глазенапа*.

Послѣ сего вывели меня опять на ограду и посадили на разосланный богатый коверъ прошивъ его окна, разстояніемъ отъ онаго на 8 сажень. Такимъ образомъ вводили козачьяго офицера *Безъязыкова*, и посадили со мною рядомъ по лѣвую руку. За нами, подъ навѣсами, сидѣли послы: *Китая, Хивы, Бухаріи, Сарсауса и восточныхъ горскихъ Персіанъ*. Приказано было ввести нашъ отрядъ и внести съ подарками запертый ящикъ; козачевъ, по обыкновенію Коканскому, посадили также на ковры поодаль насъ; а 8 человекъ чиновниковъ Коканскихъ, взявъ чешыре опояски и поддернувъ оныя подъ ящикъ, подняли оной и понесли въ комнаты Владѣтеля, показывая предъ Азіатскими послами видъ о чрезвычайной его тяжести. Такъ какъ ключъ отъ ящика былъ у меня, то Владѣтель выслалъ ко мнѣ за онымъ.

Главный Визирь *Мурза Малла* чрезъ нѣсколько времени вынесъ изъ палатъ на головѣ помянутую грамушу съ переводнымъ письмомъ и показывалъ оную

верховному совѣту, который съ почтеніемъ ее разсматривалъ; попомъ онъ обратнѣе понесъ ее въ палаты.

Владѣтель, въ извѣщеніе особеннаго удовольствія, сдѣлалъ для насъ, для Азіатскихъ пословъ и для чиновниковъ своихъ торжественный обѣдъ, состоящій изъ сарачинскаго пшена, окрашеннаго розовою краскою съ лошадинымъ мясомъ; но мы не ѣли онаго, опшываясь запрещеніемъ нашей религіи.

По окончаніи стола, поднявъ насъ, вывели изъ дворца, посадили на коней, и мы съ прежнимъ чиновникомъ побѣжали обратнѣе въ опшденный намъ садъ. На возвращеніи пуши нѣкоторые изъ разспавленныхъ войскъ, удивляясь обшянутому плашью козаковъ, спсгали ихъ плешками; идущему на флангъ козаку *Любимскому* сіе привѣщсшвіе споль не понаравилось, что онъ, оборошя ружье, ударилъ одного прикладомъ въ грудь и вышибъ изъ сѣдла; вмѣсто того, чтообъ за сіе сердшсь, Коканцы похвалили мужесшво его и громко смѣялись. Въ послѣдствіи времени мы узнали, что шамошнему чиновнику ничемъ сполько нельзя пріобрѣсти названіе храбраго воина, какъ обижашь и

бишь всѣхъ мимопроходящихъ; даже простой солдашъ ихъ, кошорому не уснѣють дать дороги, толкаетъ и бьетъ плѣтью каждаго, — и народъ съ подобострастіемъ уступаетъ ему безъ ропота.

По возвращеніи нашемъ, въ потѣ же день Владѣтель прислалъ къ намъ 2-хъ чиновниковъ съ прозьбою, дабы мы доставили ему посмотришь 2 ружья и 2 пистолеа, кошорые мы ему и послали; а какъ оныя ему весьма понравились, то онъ, оставивъ ихъ у себя, въ замѣну того прислалъ намъ въ подарокъ 1500 серебрянныхъ денегъ (называемыхъ *рулей*), величиною въ Россійскій чешвертакъ: монеты сей мы не хотѣли принять; но чиновники, высыпавъ оную въ палашкѣ на землю, уѣхали, — и мы деньги сіи опдали въ пользу козаковъ. Съ сихъ поръ намъ уже позволено было самимъ выходить изъ саду на базаръ; но караулъ все еще не снимали.

Черезъ два дни офицеръ *Безъязыковъ* съ старшимъ урядникомъ былъ призванъ къ Секретарю Владѣтеля, кошорый, при собраніи главныхъ чиновниковъ, подарилъ его отъ имени Владѣтеля 2-мя халатами съ опояскою, а урядника 1-мъ халатомъ,

объявля волю Владѣтеля, чтобы отрядъ нашъ чрезъ три дни возвратился въ Россію; а что я, такъ какъ посланный для обширнѣйшаго широкша, оставленъ буду въ Коканіи до весны, по наступленіи коея, вмѣстѣ съ караваномъ и деушашами, долженствующими опираться на Сибирскую линію для узнанія истинной причины смерти ихъ посланниковъ, возвращенъ буду въ свое отечество.

Когда отрядъ выступилъ изъ *Коканта* въ обратный путь; то я съ оставшимися при мнѣ 4-мя козаками и 1-мъ урядникомъ поѣхалъ проводить оный за городъ; я уже тогда примѣтилъ, что замною присматривающіе шрое Коканцевъ, когда они, подѣлхавъ ко мнѣ, объявили, что уже пора возвратиться въ городъ. Мы прощались съ товарищами нашихъ опасностей со слезами, полагая, что видимся съ ними уже послѣдній разъ въ жизни, и поручали имъ отъезжи заочныя благословенія дѣтямъ нашимъ.

Меня съ урядникомъ и козаками отвели въ домъ градоначальника, и провели черезъ три двора въ отдаленную ограду дому его, имѣющую кругомъ стѣну около 3-хъ сажень вышины, гдѣ по-

спавлена была Киргизская юрта; къ ночи при двора сіи запирались замками; къ намъ приспавленъ былъ изъ 10-ти человекъ караулъ съ чиновникомъ, и есѣли когда и позволяли выходить на базаръ; то съ провожаемыми. Во время ночи, дабы Коканцы не покусились на насиліе, я ставилъ у юрты своего часового, и ружья всегда были заряжены боевыми патронами. Мы поклялись, въ случаѣ опасности, продать дорогою цѣною жизнь нашу. Такъ какъ мы опасались ѣсть приготовленные ими кушанья и отсылали оныя обратно; то намъ опредѣлено было на каждую недѣлю, по положенію проспаго солдата: по 1-му полугодовому барану, по 7-ми фунтовъ на человека бѣлаго хлѣба и по золотнику чаю.

По прошествіи 12-ти дней, когда Коканцы получили извѣстіе, что отрядъ нашъ вышелъ изъ ихъ предѣловъ, поспребовавъ я былъ къ главному начальнику во дворецъ. Будучи окруженъ чиновниками, онъ спрашивалъ: какимъ образомъ я намѣренъ расплатиться за убишаго въ Россіи посланника? плашежемъ ли окупна на удовлетвореніе родственниковъ его,

какъ они того пребуютъ изъ прибыв-
 шаго со мною каравана, или приняшь ихъ
 вѣру; — буде же не захочу сдѣлать ни
 того ни другаго, то буду казнень, ука-
 зывая на рель (висѣлицу). Онъ говорилъ,
 что Владѣшель, буде я приму Магоме-
 танскую вѣру, обѣщаетъ сдѣлать меня
 чиновникомъ, дастъ лучшихъ 3-хъ женъ
 и 3-хъ аргамаковъ, и что окупъ за уби-
 таго заплашишь изъ своихъ доходовъ;
 желая убѣдить меня приняшь ихъ вѣру,
 онъ представилъ мнѣ молодую, богато
 одѣшую 15-ти лѣтъ прекрасную дѣвуш-
 ку, не смотря на то, что законъ ихъ
 воспрещаетъ видѣть женщинъ. Я отвѣ-
 чалъ, что окупа не могу заплашишь; ибо
 караванъ принадлежишь Россійскому ку-
 печесству, а не мнѣ, и я располагаю имъ
 не могу; измѣнишь вѣрѣ и своему Госу-
 дарю не хочу; а смерти не боюсь, ибо
 увѣренъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
 не оставишь Коканіи безъ опмщенія. Ви-
 дя, что я отвѣчаю смѣло, онъ приказалъ
 опшести меня обратно. Съ сихъ поръ
 градоначальникъ получилъ приказъ при-
 глашать меня къ себѣ; онъ дѣлалъ весе-
 лья вечеринки, на коихъ играла музыка,
 пѣли пѣсельники и плясали мальчики.

Такъ какъ я видался часто съ первыми чиновниками, то нѣкоторыхъ изъ нихъ преклонилъ подарками на свою сторону; иностранные же прикащики, бывшіе въ нашемъ караванѣ, коихъ мы иногда встрѣчали на базарѣ, удалялись, боясь говорить съ нами, какъ съ такими людьми, которые подверглись немилости Владѣтеля.

Коканское Правительствѣ, не получивши согласія моего на всѣ казавшіяся ему лесныя и выгодныя предложенія и, можешъ бытъ, опасаясь, чѣобы я не изыскалъ какого-либо случая пробраться въ Россію, рѣшилось отдалить меня отъ шракта къ оной и отпирать къ Персидскимъ границамъ восточныхъ Персіанъ, къ сторонѣ Кишя.

Для исполненія сего намѣренія, отъ имени Владѣтеля, ко мнѣ былъ присланъ чиновникъ, приглашая насъ ѣхать на охоту въ городъ *Маргяндъ*, отстоящій около 250-ти верстъ отъ *Коканта*, гдѣ Владѣтель имѣетъ свои луга, и гдѣ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца съ своею свитою занимаешься пшичною охотою и правлею барсовъ и шигровъ. Хотя я и былъ тайно уведомленъ на одной изъ вышеупомянутыхъ вечеринокъ, что это одинъ шокмо

предлогѣ для удаленія меня изъ *Коканта*; но должно было повиноваться.

Меня отправили съ козаками на 2-хъ шелѣгахъ, въ сопровожденіи 1-го чиновника и 2-хъ вощиковъ, по пракшу, лежащему къ сторонѣ Персіи; мы спарались на ночлегахъ вслушиваясь въ разговоры, и узнали, что чиновнику сему дано было тайное повелѣніе препроводить насъ на Персидскія границы въ укрѣпленіе *Армазаръ*. Держась хребта горъ *Кошкаръ-Диванъ*, пролегающихъ отъ *Китая* къ городу *Самарканду* (Бухарскому владѣнію), и пробѣгая множество деревень, мы въѣхали на пущую песчаную степь, имѣющую до 40 верстъ въ поперечникѣ. Видя удобное мѣсто, я бросился къ чиновнику съ обнаженною саблею, приказывая ему, если хочешь быть живъ, сказать безъ запираательства: куда везетъ насъ? Дрожа отъ страха, онъ отвѣчалъ, что везетъ насъ, по тайному повелѣнію, въ укрѣпленіе *Армазаръ*, и что если я не хочу ѣхать туда, то могу отправиться по пракшу въ городъ *Маргяндъ*, указывая на синѣющуюся вдаль, на разстояніи 50-ти верстъ, башню, кошорая, говорилъ онъ, построена въ семъ городѣ;

и въ справедливости словъ своихъ, что дѣйствительно въ той споронѣ находишся *Маргяндо*, заклиналъ себя Алкораномъ.

Мы поворожили на востокъ, держа на помянутый городъ, въ который и прибыли черезъ 2 дни. Проѣхавъ означенную песчаную степь, встрѣчали безпрестанно разбросанныя многолудныя деревни, коихъ жители совершенно ни въ чемъ не нуждаются и ведущъ жизнь, можно сказать, щастливую, имѣя у себя большіе фрукшвыя сады и пашни; на всѣхъ лицахъ написано было удовольствіе; они занимающыя издѣліемъ хлопчатой бумаги и разведеніемъ шелковичныхъ червей.

Когда подѣхали мы къ городу, градоначальникъ онаго выслалъ къ намъ на встрѣчу чиновниковъ, которые и ввели насъ въ городъ; спеченіе любопытныхъ зрители было столь велико, что улица, по коей мы ѣхали, можно сказать, усеяна была народомъ; не смотря на то, что чиновники, дабы дать намъ нѣсколько мѣста подвигаться впередъ, били людей нещадно по головамъ плѣтми и давили лошадьми, народъ, какъ морской валъ, безпрестанно напиралъ на насъ. Намъ

отвели казенный домъ, гдѣ хошя и былъ приспавленъ для спокойствія нашего караулъ, но народъ врывался силою въ ограду, отбивалъ двери и толпился въ комнатахъ въ шакомъ множествѣ, что съ трудомъ можно было дышать. Кипайскій посолъ, жившій неподалеку отъ насъ, видя безпокойствіе наше и сжалившись надъ нами, присылалъ ко мнѣ совѣтовать, чтобы я своимъ козакамъ приказалъ бить народъ и выгонять вонъ, присовокупя къ тому, что безъ сего средства онъ не дастъ намъ покою. Я отдалъ, сообразно сему, приказъ, и хошя козакъ и били любопытствующихъ изъ всей силы нагайками, выталкивая ихъ вонъ и вытаскивая за воротъ; но, спустя нѣсколько времени, опять набиралось ихъ столько же. Въ продолженіе 8-ми дней намъ не было ни минушны покоя; но уже послѣ, когда наглядѣлись на насъ, мы получили родъ нѣкошораго отдохновенія, которое намъ было весьма необходимо. Когда Кипайскій посолъ выѣхалъ, то насъ перевели въ занимаемый имъ домъ.

Мы получали отъ градоначальника въ сущи по фуншу говядины и хлѣба и по золошнику чаю; количество же фу-

ража опускалось по самое, какое и въ *Кокантѣ*. Приспавленный караулъ никуда не выпускалъ насъ, и мнѣ шокмо позволено было ѣздить къ Дашъ-хану (Вице-королю) *Мулла-Шай*, управляющему всѣми окружными мѣстами къ споронѣ восточныхъ Персидскихъ границъ, который нисколько не сердился, что мы самовольно, противъ желанія Коканскаго Правительсва, прѣехали въ *Маргяндѣ*.

Подарками я убѣдилъ его внушить Хану о хорошемъ расположеніи Россіи къ Коканіи и о пользѣ, какую можетъ она имѣть отъ торговли съ Рускими. Въ продолженіе 3-хъ мѣсячнаго пребыванія нашего въ *Маргяндѣ* подѣ арестомъ, онъ очень хорошо принималъ меня, и общалъ употребить всѣ средства къ исполненію моихъ желаній. Чрезъ его стараніе, Владѣтель далъ повелѣніе освободить насъ и возвращить обратно въ *Кокантѣ* другимъ шактомъ, обведя кругомъ всего владѣнія, для показанія намъ всѣхъ городовъ и селъ, въ Коканскомъ государствѣ имѣющихся. Насъ шотчасъ освободили, и въ продолженіе 3-хъ дней, по естъ до выхода изъ города, я старался разсмотрѣть оный. Народъ когда замѣчалъ,

что мы безъ шамошнихъ чиновниковъ; по бѣжалъ за нами толпами, кидалъ въ насъ камнями и кричалъ: *кафаръ! кафаръ!* то есть: безбожники. Мы жаловались Дашъ-хану; онъ старался прекратить сіи буйства; но, не будучи въ состояніи обуздать самовольную чернь, совѣщавалъ намъ, дабы не обращать на себя народнаго вниманія и чтобы избавишься отъ безпокойства, носили Азіатскіе халаты, и что ешлы и за симъ будущъ насъ провожитъ; то мы можемъ быть нахаловъ сами. — Въ сіе время получилъ извѣстіе изъ оставшагося въ *Кокантѣ* нашего каравана, что бѣглый Казанскій Ташаринъ *Абдулъ* провелъ въ *Маргяндѣ* бывшаго въ плѣну въ Бухаріи Рускаго для продажи чернымъ закаменнымъ Киргизамъ. Желая, во что бы то ни стало, освободить единовѣрца изъ неволи, я убѣдилъ Дашъ-хана отыскать Ташарина сего, говоря, что находящійся у него Руской есть родственникъ одного изъ бывшихъ при мнѣ козаковъ. Дашъ-ханъ, не найдя его въ городѣ, посылалъ чиновниковъ въ окрестности; и его схватили уже вмѣстѣ съ плѣннымъ у черныхъ Киргизовъ;

ихъ обоихъ привели въ городъ и доставили ко мнѣ.

Ташаринъ такъ наспращалъ Рускаго, говоря, что мы, будучи задержаны Коканцами, никогда не возвратимся уже въ Ошечесво, и что его казнятъ вмѣстѣ съ нами, если онъ откроетъ, что онъ Руской, что сей несчастный, дабы избѣгнуть распросовъ, припворился нѣмымъ, показывая знаками, что онъ Азіяецъ. Дабы привести его къ признанію, я показывалъ ему образъ; но онъ опшалакивалъ оный. Одинъ изъ козаковъ, видя сіе, прослезился, называлъ его своимъ братомъ, обнималъ; но все было тщетно. Не смотря на столь упорное заперашельство, я выпросилъ его у Дашъ-хана къ себѣ; а Ташарина отдалъ градоначальнику, который различными пытками заставлялъ его признаться, что пафный сей дѣйствительно Руской; что онъ сманилъ его изъ рабства изъ Бухаріи и велъ скрытно пѣшкомъ для продажи чернымъ Киргизамъ подъ видомъ нѣмага родсвенника, идущаго на поклоненіе къ *Тахъ-Сулейманъ* (престолу *Соломона*). Ташаринъ сей, спрашась угрозъ бытъ предану смерти, заставлялъ говорить Рускаго, кошо-

рый наконецъ показалъ, что онъ былъ крѣпостной человѣкъ помѣщицы Курской губерніи Маіорши *Зыбиной*, отъ коей въ 1807 году бѣжавъ въ *Оренбургъ*, былъ схваченъ Киргизами и проданъ за 40 червонныхъ въ Бухарию, гдѣ находясь въ рабствѣ, подговоренъ къ побѣгу Ташариномъ *Абдуломъ*, который обѣщалъ оповѣсти его къ находящимся въ Коканіи Рускимъ; но на дорогѣ увѣрилъ его, что Руское посольство задержано, и что если онъ присоединится къ нему, то будетъ Коканцами лишенъ жизни, и что по сей-то самой причинѣ; дабы его не открыли, онъ и приговорился ибмымъ. Дашъ-ханъ хотѣлъ повѣсить Ташарина; но я упротѣсилъ не наказывать его смертію; а содержать подъ арестомъ до нашего выхода изъ *Маргянда*. За опысканіе Ташарина и Рускаго я подарилъ чиновникамъ 800 серебряныхъ рупевъ.

Областный городъ *Маргяндъ* содержитъ въ себѣ около 30-ти верстѣ въ окружности; укрѣпленій никакихъ не имѣетъ; кромѣ того, что въ пяти верстахъ разстоянія къ границѣ восточныхъ горскихъ Персіанъ находится крѣпость *Армазаръ*; вмѣщающая въ себѣ до 20,000 войска;

ошѣ коей въ 12-ти верстахъ расположе-
на уже Персидская крѣпость *Алай*. До-
мы въ городѣ сложены изъ глины, безъ
окошъ, улицы шѣсныя; есть множество
древнихъ огромныхъ памяшниковъ и пор-
шиковъ, изъ коихъ нѣкоторые сохранены
въ совершенной цѣлости. Въ срединѣ го-
рода, въ видѣ открышаго храма, возвы-
шается зданіе, внушри коего поставлено
красное шелковое знамя. Коканцы почи-
тающъ оное священнымъ, имѣя преданіе;
что оно принадлежало *Патшѣ Искандару*
(*Александру Македонскому*), который буд-
то, по возвращеніи изъ Индіи, умеръ въ
пескахъ и похороненъ въ семъ мѣстѣ;
хотя *Плутархъ*, *Аріанъ*, *Квинтъ-Курцій*
и всѣ прочіе комментаторы единогласно
ушверждающъ, что онъ умеръ и похоро-
ненъ въ Вавилонѣ за 323 года до Р. Х.
Во время опредѣленія въ *Маргьянѣ* но-
ваго градоначальника, тамошнее духовен-
ство беретъ знамя сіе и съ пѣніемъ идешъ
съ онымъ чрезъ весь городъ къ началь-
нику съ поздравленіемъ, который, въ изъ-
явленіе благодарности, привязываетъ на
знамя въ подарокъ духовенству богатую
парчу, разныя машеріи, и даритъ ихъ
деньгами, хлѣбомъ и яблоками. Рынокъ или

базарѣ устроенѣ рядами; въ назначенные для продажи два дни въ недѣлю народѣ съ утра до вечера толпишся во множествѣ. Правительствово снрого смотришѣ, чшобы купцы не обмѣривали и не обвѣшивали. Въ городѣ находяшся разныя фабрики, на коихъ выдѣлываютъ Персидскія парчи, бархаты и разныя Азіатскія матеріи, кошорыя они передаютъ въ Бухарію и Кашкарію; отъ сей послѣдней получаютъ чай, фарфоровую посуду, въ ямбахъ серебро, камфу, краски и всѣ лучшія Кипайскія матеріи.

Я видѣлъ, что воспочные горскіе Персіане скупаютъ на базарѣ хлопчатую бумагу въ шишкахъ и, на подобіе каравановъ, отправляются пѣшіе чрезъ *Ярмазарѣ* въ *Алай* черезъ горы, неся на себѣ бумагу сію въ корзинахъ. Жители города ведутъ жизнь довольную и спокойную; женщины ихъ пригожи, снатины и весьма щеголевалы; полюбили Рускихъ козаковъ, и когда замѣчали, что не было Азіатцевъ, шо подымали съ лица сѣшку, разговаривали съ ними и всегда хвалили Руской законъ, воспрещающій многоженство. Козакамъ онѣ также нравились; каждый изъ нихъ при видѣ женщины по-

правлялъ аммуницію и, закручивая рукою свои длинные усы, или гремя саблею, сшарался казаться молодцомъ.

Насъ отправили съ 1-мъ чиновникомъ изъ *Маргелла* въ провинціальный городъ *Андыджанъ*, находящійся въ 150-ти верстахъ, къ сторонѣ *Китай*. По дорогѣ на упадающей изъ горы *Кашкаръ-Дивана* рѣкъ *Сыръ-Дарги* учреждена поршова за-сѣва *Ошъ*, гдѣ взимается пошлина съ проходящихъ изъ *Китай* и въ *Китай* каравановъ. Въ правой рукѣ на утесѣ помянутой горы мы видѣли поспроенныя два древнія зданія, подъ коими находишся большая пещера. Вожащій намъ сказывалъ, что зданія сіи называются *Тахъ-Сулейманъ*, по Руски: престолъ *Соломоновъ*, и что шаманіе Азіатицы каждый годъ ѣздящъ на поклоненіе къ мѣстамъ симъ, утверждая, будто въ семъ мѣстѣ поклонялись духи *Соломону*. Зданія сіи никѣмъ необишаемы.

Андыджанъ граничитъ съ *Кашкарією*, окруженъ селеніями, изобилуеши всякими фруктами; жишели занимающся разведеніемъ шелковичныхъ червей, выдѣлкою бумажныхъ машерій и хлѣбопашествомъ; имѣющъ торговлю съ кочующими по бли-

зоспи дикими черными закаменными
 Киргизами, отъ коихъ и получають вся-
 каго рода скотъ. Чѣобы не обращать
 на себя вниманія любопытнаго народа,
 мы имѣли на себѣ при вѣздѣ Азіатскіе
 халашы, Городъ сей не имѣетъ никакихъ
 укрѣпленій, кромѣ замка Губернаторска-
 го, обнесеннаго вокругъ стѣнами съ 4-мя
 вѣздами, въ коемъ помѣщено до 10,000
 человекъ войска. Солдатъ ихъ живетъ
 вмѣстѣ съ женою и лошадью; въ 1-й
 комнатѣ держитъ лошадь, а въ другой
 жену. Градоначальникъ на своемъ ижди-
 веніи содержитъ войско, удѣляя на содер-
 жаніе онаго часть доходовъ, получаемыхъ
 отъ пошлины съ привозныхъ товаровъ.
 Дома выстроены въ городѣ также изъ
 глины; улицы кривыя.

Мы остановились въ городѣ на два
 дни, и опшуда опправились въ городъ *На-
 мангантъ*, расположенный въ разстояніи
 120-ти верстъ. По дорогѣ видѣли дуга,
 принадлежащіе Коканскому Владѣтелю,
 обнесенные выкопанными широкими на-
 навами и камышемъ, при коихъ содер-
 жатся караулы, охраняющіе пшницъ и звѣ-
 рей. Сюда прѣзжаетъ Владѣтель съ боль-
 шю свитою на охоту.

Мамангант также не имѣетъ никакихъ укрѣпленій, кромѣ замка Губернаторскаго; войска въ городъ не болѣе 1,500 человекъ. Городъ весьма многолюденъ, имѣетъ бумажныя фабрики и почищается самымъ изобильнѣйшимъ на счетъ фруктовыхъ деревьевъ, съ коихъ плоды развозятъ во всѣ города Коканіи. Торговля производится также съ черными Киргизами.

Ошшуда повезли насъ въ уѣздный небольшой городокъ *Янакурганъ*, ошстоящій во 100 верстахъ отъ *Маманганта*; дорогой безпрестанно встрѣчали мы многолюдныя деревни, луга и пашни. Городъ сей никакого укрѣпленія не имѣетъ, кромѣ небольшой въ срединѣ крѣпости, вмѣщающей въ себѣ градоначальника и 200 человекъ войска, составленнаго изъ обывателей. Переночевавъ на ошведенной намъ квартирѣ, выступили въ путь и перешли чрезъ рѣку *Сырѣ-Дарю*, въ 10-ти верстахъ отъ города пропекающую, и пройдя 12 верстъ кочующими Каракалпаками, занимающимися издѣліемъ ковровъ, шерстяныхъ шкелей, возвратились въ Мартъ мѣсяцъ 1814 года въ *Кокантъ* для получения отъ Владѣтеля отѣвѣсныхъ къ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ писемъ и для забранія оставшагося каравана. Подойдя къ городу, я послалъ вожакаго извѣстить о нашемъ прибытіи. Насъ вѣрно было опшесши на кварширу къ купцу, которому и поручили продовольствіе наше. Въ продолженіе 5-ти дней я настаивалъ о полученіи опвѣстныхъ писемъ къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и о скорѣйшемъ опправленіи насъ въ Россію: но какъ караванъ не былъ изготовленъ къ пуши; то меня и перевели въ ожиданіи сего въ домъ Намѣстника, управляющаго всѣми Визирями, коему хошя было и приказалъ Владѣтель наградишь насъ; но онъ опклонилъ его опъ сего намѣренія, представляя, что не слѣдуетъ дѣлать подарковъ за убійство посланника. Онъ велѣлъ мнѣ бышь гошовымъ чрезъ при дни къ опправленію въ *Ташкентъ* вмѣстѣ съ козаками, для ожиданія тамъ каравана, опвѣстныхъ писемъ и Коканскихъ депушатовъ, назначенныхъ къ опсылкѣ на Россійскія границы для узнанія истинной причины смерти посланника.

Въ сіе время я осматривалъ *Кокантъ*. Городъ сей весьма обширенъ и многолю-

денѣ; въ немѣ счишаютъ до четырехъ сотѣ мечешей; расположенѣ на ровномѣ мѣстѣ и не имѣетъ никакого укрѣпленія, кромѣ замка Владѣшеля; изобилуетъ ключами; въ окружности лежатъ деревни, дуга и пашни; земля солонцовашая. Въ городѣ улицы узкія, немощеныя; дома здѣланы также изъ глины; посреди города построены три каменные рынка, на коихъ производятся шортъ два раза въ недѣлю; въ нѣсколькихъ мѣстахъ находящія древніе памятники и близь замка огромныя изъ зженаго кирпича конюшни для аргамаковъ Владѣшеля; войска болѣе 20,000 человекъ. *Кокантъ* и все Коканское государство изобильно хлопчатую бумагою и шелковичными деревьями; вездѣ видишь засѣяныя хлопчатую бумагою поля, изъ коей Коканцы приуготовляютъ ткани и мѣняютъ оную Бухарцамъ на Россійскіе шовары, какъ-то: на желѣзо, выдрѣ, сандалѣ, купоросѣ, канцелярное сѣмя, заморскіе кошы, ~~спаль~~, сукны и шому подобное.

Когда мы вступили въ городъ; то всѣ базары наполнены были коробами съ ящиками шелковичныхъ червей. Для меня странно казалось, какимъ образомъ Кокан-

цы разводяшѣ шелковичныхѣ червей. Женщины, покупая яицы сіи, завершывающѣ ихѣ въ мокрую тряпку и носяшѣ для доставленія имѣ испаренія подѣ грудями и сушокѣ: когда черви начнушѣ показываться изѣ яицѣ; то ихѣ кладушѣ подѣ мокрую же тряпку въ корзину и выставляющѣ на солнце. Кѣ нимѣ шуда кладушѣ для питанія листьѣ дерева, называемаго *тютѣ*.

Шелковичныхѣ червей сихѣ такое изобиліе, что, не смотря на вывозѣ шелковѣ въ Бухарию и на выдѣлку изѣ оныхѣ множества различныхѣ парчей для Киргизскихѣ ордѣ, шелки сіи остающѣ сѣ избыткомѣ до новыхѣ.

Правительство очень строго смотрѣшѣ, чтобы купцы не обвѣшивали и не обмѣривали; при нѣмѣ водили одного изѣ нихѣ по всѣмѣ улицамѣ нагова, ссѣгая плетками и зассѣвляя самаго кричать: что онѣ обмѣрилѣ. Вообще Кокандцы судяшѣ безѣ производства дѣлѣ на бумагѣ, основываясь единственно на свидѣтельствѣ двухѣ человекѣ подѣ присягою. Судѣ сей производѣшѣ духовенство, которое собирается, по приглашенію Главнокомандующаго, въ особо назначенный

для сего домѣ. Судьи садятся вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ на возвышенной амвонѣ; приводящъ за карауломъ передъ нихъ преступника; священникъ того прихода, къ коему принадлежитъ виновный, первый разсмащриваетъ дѣло его и, по приведеніи къ присягѣ 2-хъ свидѣтелей вины его, опредѣляетъ наказаніе. Если приговоръ найденъ прочими справедливымъ; то Главнокомандующій исполняетъ оный. Чиновниковъ, хотя бы и самыхъ первѣйшихъ, за преступленія, какъ то: за измѣну, лихоимство, заговоры и тому подобное, наказываютъ смертною казнью; имѣніе ихъ описываютъ въ казну, а женъ и взрослыхъ дочерей выдаютъ въ замужество за простыхъ солдатъ. За воровство рубящъ руки, и оспавлиютъ по прежнему жить въ обществѣ. Я видѣлъ, что за покражу 30-ти барановъ опрубили у одного мечемъ кисть правой руки, обмокнули для остановленія крови въ горячее масло, и попомъ оппустили на волю. За смертно-убійство отдають преступника въ распоряженіе родственниковъ убитаго; они могутъ его продать или взять окупъ за голову. Однажды ходя по базару, я былъ очевидцемъ, что род-

ные убіеннаго привели опданнаго имъ убійцу и шребовали его смерши; ему шущѣ же опрубилн голову.

Прелюбодѣяніе наказываешся ужа-сною смершію, кошорой я былъ свидѣ-лемъ и о коей воспоминаніе до сихъ поръ приводишъ меня въ содроганіе. 17-ши-лѣш-няя дѣвушка была высвапана родшвен-никами за обывашеля, кошорый ей не нра-вился (вообще Азіашцы не совѣшуются въ сихъ случаяхъ съ сердцами дочерей своихъ); она любила чиновника, ушла къ нему и жила у него подъ видомъ при-служника въ мужскомъ плашѣ, обривши по шамошнему обыкновенію голову. Же-нихъ узнаешъ о семъ, просишъ Прави-шельство; чиновникъ, желая избавишся смершноу казни, бѣжалъ; а ее взяли подъ спражу, и она обѣявила судьямъ всю истину. По законамъ, ее должно было приговоришъ къ смершноу казни; и Вла-дѣшель, не имѣя права спасши ее опъ оной, сжался на ея молодосш и красо-шу, присылалъ шайно сказашъ ей, чшобы она опперлась опъ своего показанія и обѣявила, чшо у нее волосы вылѣзли опъ болѣзни. Она велѣла сказашъ ему, чшо, разспавшисъ съ своимъ любезнымъ, не

хотѣшъ жить безъ него, и пребыла непоколебимою. Въ назначенный день казни народъ шолъ на базаръ; ее вывели, вырыли на площади яму и закопали по груди въ землю. Палачъ первый ударилъ сію несчастную въ голову камнемъ, а потомъ и весь народъ побивалъ ее камнями и размозжилъ всю голову; редешвенники вырыли пѣло и похоронили.

По прошествіи назначеннаго времени, намъ не дали проводника и приказали выступить однимъ по пракшу на городъ *Юрютюлу*, имѣвшій до присоединенія онаго къ Коканіи особеннаго владѣтеля, разсояніемъ отъ *Коканта* на полпороди вѣды. До самаго города мы шли многлюдными деревнями, расположенными на ключевыхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ рѣку *Сырѣ-Дарю*. Дорогою почти на каждыя 15-ти верстахъ встрѣчали мы древнія, никѣмъ необишаемая большія зданія. Мы остановились подлѣ города и въ оной вѣзжали только для закупки провіанта; ибо уже Коканское Правительство, по выходъ нашемъ изъ *Коканта*, не ошну-скало намъ никакого продовольствія.

Городъ *Юрютюла* прилегаетъ къ горѣ *Кашкарѣ-Диванѣ*, расположенъ на клю-

чахъ, вышетающихъ изъ помянутой горы между двухъ сопокъ; весьма обширенъ, обнесенъ высокими двумя стѣнами, между коихъ выкопанъ глубокий ровъ; въ стѣнахъ здѣланы окошки, дабы, въ случаѣ необходимости, можно было спрѣлѣпъ изъ нихъ. Городъ чрезвычайно многолюденъ; улицы въ ономъ шѣсны, дома сложены изъ глины; есть фабрики, на коихъ выдѣлываются пуховыя шали. Жители имѣютъ торговлю въ Трухменцами, Персіанами и кочевыми Арапами, принадлежащими Бухаріи.

Коканцы, когда сей городъ былъ независимъ отъ нихъ, почитая оный не приступнымъ, рѣшили, за нѣсколько дней до прибытія нашего въ *Кокантъ*, обманомъ вызвавъ владѣльца подъ предлогомъ свиданія, захватили его въ плѣнъ, отвезли въ *Кокантъ* и овладѣли городомъ.

Съ Маія мѣсяца въ семъ мѣсѣ и даже въ спторонѣ Бухаріи начинаются несшерпимые жары, доходящіе почти до 40 градусовъ. Въ Маршѣ видишь выходящую праву, и обширныя поля покрывающіяся многоразличными душистыми цвѣтами; но чрезъ три мѣсяца все сіе по-

жигается зноемъ и сдувается вѣтромъ шабъ, что не остается и слѣда. Омъ сего самого цѣлое лѣто встрѣчаешь одни голые пески, и праву едва найти можно покмо при ключахъ и въ ущелинахъ горъ; по сей причинѣ жишело почти не имѣюшъ вовсе скота, и лошадей съ трудомъ прокармливаютъ соломою и сѣянною правою, которую принуждены для сохранения омъ зноя поливать водою. Для защиты омъ жару, они обвиваютъ себѣ головы чалмами, и носятъ по 3 и по 4 сшеганныхъ халаша. Глинистая въ городѣ земля споль нагрѣвается, что нѣтъ возможности идти по ней въ обыкновенной обуви; для чего они свѣрхъ сапоговъ и надѣваютъ колоши.

Переночевавъ близъ города, мы вышли на областный городъ *Ходжантъ*, состоящій на полторы субли въды. Идучи ровными мѣстами, имѣли мы въ виду пограничные съ Бухаріею города: *Амъ*, *Зилинъ* и *Янакурганъ*. Не входя въ *Ходжантъ*, мы останавливались подлѣ него ночевать, въѣзжали въ городъ покмо за покупкою сѣстныхъ припасовъ, и упромъ пошли на прежнюю переправу черезъ рѣку *Сыръ-Даргю*.

Ходжанти не уступаетъ обширности *Коканту*; имѣетъ защитною со стороны Бухаріи высокую, развалившуюся уже въ иныхъ мѣстахъ стѣну, а съ другой рѣку *Сырѣ-Даргю*. Въ городѣ проведены каналы, находящіяся фабрики и вообще всѣ тѣ заведенія, какъ и въ *Кокантѣ*; жителей весьма много. Подошедъ къ переправѣ и видя, что уже на суда поставлены караваны, готовые къ отправленію, мы просили, чтобы насъ взяли съ собою; но Коканцы, примѣня, что мы безъ провожатыхъ, никакъ не хотѣли на сіе согласиться. Такъ какъ день уже клонился къ вечеру, и мы должны бы были ночевать въ семъ мѣстѣ; но я, зная уже характеръ Коканцевъ, принужденнымъ нашелся приказать козакамъ выставить силою нѣсколько купеческихъ верблюдовъ и очистишь въ судно для насъ мѣсто. Коканцы ссорились, угрожали; но нагайки козаковъ принудили ихъ уступить намъ. Мы поплыли и уже на срединѣ рѣки замѣтили, что судно стало наполняться водою и грузнуть. Перевозчики извѣщенія проверили въ днѣ дыру, и мы съ шумомъ могли зашпунуть оную. Когда доплы-

ли до опмѣли, то они выскочили первые на берегъ и скрылись.

Одинъ человекъ изъ числа каравана предупредилъ насъ, чтобы мы на песчаномъ пути къ сторонѣ черныхъ Киргизъ не останавливались ночевать; ибо при вьюгахъ, говорилъ онъ, заноситъ часто песками, а спѣшили бы дойши до солонцоватаго мѣста, въ 17-ми верстахъ опстоящаго. Мы приняли совѣтъ его и, пройдя помянутое пространство, остановились ночевать на ключахъ. Поелику намъ должно было опять проходить прежними опасными ущелинами горы *Киндыртау*: то, дабы избѣжать нападенія, мы сворошили съ сего пути и пошли другимъ шракомъ въ сторону отъ ущелій на небольшой городокъ *Шайдамъ*.

Переночевавъ по близости онаго, отправились гористыми мѣстами на мѣстечко *Мулламиръ*, населенное единственно для укрытія проѣзжающихъ отъ бурановъ, бывающихъ въ горахъ сихъ. Жителей сего мѣстечка по большей части занимаютъ проходящіе малые караваны, боящіеся разграбленія, для перевозу кладей въ городъ *Пишкетъ* (лежащій въ Ташкентѣ) чрезъ гору *Киндыртау*. По дорогѣ

въ *Мулламирѣ* мы видѣли много древнихъ зданій; въ *Мулламирѣ* ночевали и пошли черезъ помянутую гору *Киндыртау*; жителей наняли перевезши на 2-хъ лошадяхъ наше имѣніе, а сами по большей части шли пѣшкомъ.

Взбѣхавъ на высоту горы, мы принуждены были слѣдовать на разстояніи полуверсты узкою пропинею, едва имѣющею при четверти аршина ширины; съ одной стороны сей пропинки подъ ногами нашими находилась бездонная пропасть, въ глубинѣ коей видѣли однѣ верхушки дремучихъ лѣсовъ; а съ другой возвышенные утесы и обрывы каменистыхъ горъ наподобіе стѣнъ. Мы вели за собою верблюдовъ и лошадей за поводъ; дорогою каждую минушу были въ опасности поскользнуться и низвергнуться въ пропасть, гдѣ нерѣдко погибають путешественники. Въ сіе время свирѣпствовала гроза, и удары грома, сопровождаемые сверкающею молніею изъ черныхъ пучъ, казалось, потрясали горы, повсоряющія пропаянно гулъ свой. Лошади наши храпѣли и пряли ушами; бывшіе въ караванѣ Азіатцы со слезами призывали на помощь Магомета, и даже без-

спрашныя козаки, презиравшіе до сего времени ежеминутно встрѣчавшуюся смерть, съ невольнымъ содроганіемъ крестились. Но всѣ сіи опасности были ничего незначущія въ сравненіи съ тою, когда мы начали спускаться по обрывамъ съ горы сей. Одинъ изъ верблюдовъ моихъ ошупился съ крутизны, ударился грудью о камень и на другой день издохъ. Лошадямъ сходить такъ же было весьма трудно; люди кое-какъ перебирались съ камня на камень, хватаясь за встрѣчавшіеся сухіе сучки или за выросшій на скалахъ мохъ, кои часто, обманывая въ наружномъ видѣ своей твердостью, вырывались съ корнемъ и заставляли по нѣскольку аршинъ стремглавъ летѣть внизъ. Въ семъ трудномъ пути мы пробыли цѣлый день. Спускаясь съ горы при утишеніи бури, увидѣли мы природу совсѣмъ въ иномъ видѣ; шумъ представило въ взорамъ нашимъ множество различныхъ плодоносныхъ деревьевъ и съ шумомъ выпадающихъ между камней въ ключей, копорые, протекая по испещреннымъ цвѣтами шелковичнымъ лугамъ, образуютъ рѣки *Сиргикъ* и *Тангару*: первая протекаетъ къ Ташкенту; а послѣдняя, разбиваясь на мѣлкія рѣчки, течетъ чрезъ

города *Курамъ* и *Пишкетъ*. Идучи подлѣ горы, оплогими мѣстами, по текущимъ ключамъ, пропивною, лежащею къ городу *Пишкету*, прошли въ концѣ дня чрезъ оный, и ночевали въ 5-ти верстахъ отъ сего города на рѣкѣ *Тангарѣ*.

Пишкетъ имѣетъ небольшую крѣпость, въ коей помѣщается до двухъ сотъ человѣкъ войска и окруженъ форштабами. Въ семъ мѣстѣ земля хотя нѣсколько и глинистая, но весьма плодородная; при нашемъ приходѣ въ городъ въ концѣ Марта мѣсяца, хлѣбъ уже былъ поднявшись выше нежели на четверть. Жители имѣютъ большія сѣна. Запасшись провіантомъ и купивъ одного верблюда, мы отправились прекрасными деревнями, перешли рѣку *Сиргикъ* и вступили прямо въ *Ташкентъ*. Будучи извѣщенъ, что съ прибывшимъ изъ Семиполашинской крѣпости купеческимъ караваномъ опрядъ козаковъ остановился въ городѣ, я присоединился къ оному. По прибытіи нашемъ, на другой день побѣхалъ я къ Главнокомандующему, который принялъ меня ласково; увидя у меня хорошаго иноходца, спящего въ тамошнемъ мѣстѣ до 40 червонныхъ, просилъ подарить ему онаго,

общая за то оказывать всевозможныя пособія и содѣйствовать къ скорѣйшему отправленію насъ въ Россію; при такомъ общаніи нельзя было не удовлетворить его желанію, и я подарилъ ему сего иноходца.

Въ семъ городѣ явились ко мнѣ еще двое Рускихъ, бѣжавшихъ изъ рабства, прося взять ихъ съ собою. Первый изъ нихъ *Андрейнъ Ивановъ*, дворовый чело-
вѣкъ *Князя Лобанова*, будучи въ Оренбургѣ, схваченъ былъ Киргизами, увезенъ въ Хи-
винское владѣніе и проданъ за 40 червон-
ныхъ, а отсюда отведенъ былъ въ пода-
рокъ Бухарскому Владѣтелю, отъ коего
бѣжалъ, услышавъ о прибытіи Россій-
скаго посольства въ *Ташкентъ*; другой
же, крѣпостной чело-*вѣкъ* Генерала *Бур-*
ликовского, *Максимъ Головатяковъ*, буду-
чи въ малолѣтствѣ, около 25-ти лѣтъ
тому назадъ, съ отцемъ своимъ въ Кре-
менчугѣ, отправился съ нимъ къ Крым-
скимъ Татарамъ, гдѣ пася спадомъ, былъ
захваченъ двумя Армянами и двумя Тата-
рами и увезенъ въ Персію, откуда про-
данъ въ Бухарію, и хотя, по прошествіи
8-ми лѣтъ, и успѣлъ было убѣжать на гра-
ницу Россіи; но опять перехваченъ Кирги-

зами и возвращенъ въ Бухарию, изъ коей
вмѣстѣ съ *Ивановымъ* бѣжалъ въ *Ташкентъ*.

Желая спасти единовѣрцевъ, я не оп-
ступно просилъ Главнокомандующаго оп-
дать мнѣ Рускихъ сихъ, и хоша, по ихъ
законамъ, и должны они были навсегда
ославашься въ рабствѣ; но, принявъ
въ уваженіе сдѣланный мною ему пода-
рокъ, онъ мнѣ отдалъ ихъ.

Семиполашинскій караванъ, промѣ-
нявъ товары, просилъ меня объ исходатай-
ствованіи ему позволенія отправиться
въ Россію; въ чемъ я и успѣлъ, — и онъ
на тысячи пяти стахъ верблюдахъ вы-
ступилъ въ сопровожденіи состоявшаго
при немъ отряда. Часть онаго пошла
по тракту на Пешропавловскую, и часть
на Семиполашинскую крѣпости; я же
ославался въ ожиданіи изгопвленія при-
веденнаго мною каравана.

Въ сіе время Главнокомандующаго
пошребовали въ *Кокантъ* для совѣщанія;
въ отбытіе его Ташкенцы сдѣлали заго-
воръ возвести прежняго своего Владѣ-
теля *Рустамбека*, который, при взятіи
Ташкента Коканцами, бѣжалъ въ *Киргизъ-*
Кайсацкую степь. *Рустамбекъ* сей при-
шелъ въ *Ташкентъ* скрытно съ Семипола-

шинскимъ караваномъ и пробрался въ Бухарию для испрошенія вспомогательнаго войска. Ташкенцы ожидали минувшаго его возвращенія, чѣмъ испребишь Коканскія войска и свергнушь съ себя ненавистное иго. Бухарцы вооружались; Ташкенцы старались обмѣнивать Коканскую монету, кошорая, полагали они, не будешъ имѣть курса; всѣ товары вздорожали; мы были въ опасности. Но Коканцы узнали о заговорѣ; Главнокомандующій поспѣшно возвратился; въ слѣдъ за нимъ присланы были подкрѣпленія. Онъ опыскалъ виновныхъ, и въ продолженіе 10-ти дней, я видѣлъ безпрестанно казни ихъ несчастныхъ: ихъ вѣшали за горло; а одного изъ нихъ, кошораго полагали главнымъ зачинщикомъ бунта, поперегъ шѣла. Сей болѣе 6-ти часовъ былъ живъ и наконецъ, зашевши кровію, въ ужасныхъ мученіяхъ испустилъ духъ. Ташкенцы приведены симъ были въ величайшій страхъ. *Рустамбекъ* захваченъ на границахъ, привезенъ въ *Ташкентъ*, посаженъ въ подземный ровъ и приговоренъ къ смерти. Такъ какъ законы Магомешанскіе повѣлываютъ оказывать иносѣранцамъ гостепріимство и всякое уваженіе; то же-

ны и родственники *Рустамбека* приходили ко мнѣ, умоляя со слезами испросить у Главнокомандующаго ему пощаду. Въ подарокъ Главнокомандующему они вручили мнѣ во 100 рублей иноходца и обученнаго кречета (бѣлаго яспреба), сплюющаго шамъ 40 червонныхъ. Соболѣзнуя объ участи несчастнаго *Рустамбека* и желая выручить припомѣ захваченный шоварѣ Россійскаго купца *Ушакова*, съ которымъ *Рустамбекъ* прибылъ въ *Ташкентъ*, я съ сими подарками явился къ Главнокомандующему, который, по убѣжденію моему, основываясь на помянутомъ законѣ Магомешанъ, согласился наконецъ, принявъ подарки, освободить *Рустамбека* отъ казни, объявивъ, чѣобы онъ въ печеніи 6-ти часовъ заплащилъ 300 червонныхъ пени и выѣхалъ чрезъ три дни изъ ихъ предѣловъ; Россійскіе же шовары велѣвъ немедленно возвращить. Его выпустили изъ рва подѣ присмотрѣ 3-хъ человекъ; а какъ родственники боялись снабдить его деньгами, дабы не сочли ихъ учасниками въ заговорѣ: то онъ выпросилъ помянутую сумму заимообразно изъ каравана.

Между симъ временемъ Бухарскія войска подошли къ Коканскимъ грани-

цамъ; произошло кровопролитное сраженіе, и Коканцы могли бы быть разбины, ешьлибъ съ другой стороны союзникъ ихъ, *Сарсаузскій* Владѣтель, не пошелъ на Бухарское владѣніе и не захватилъ множества плѣнныхъ. Сіе самое заставило Бухарцевъ возвратиться въ свои предѣлы; и Коканцы по поводу сего, по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ, имѣли случай присоединить къ себѣ нѣсколько Бухарскихъ городовъ.

Замѣшательства сіи не дозволяли намъ выѣхать изъ *Ташкента*. Главнокомандующій, возвращаясь съ войскомъ, пригласилъ меня на шоржесшвенный обѣдъ, который онъ давалъ на полѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, войску своему въ честь побѣды. Разбины были шапры, и на разосланныхъ коврахъ угощали шумное войско сарачинскимъ пшеномъ съ бараньимъ мясомъ, и чаемъ. Онъ мнѣ описывалъ съ щеславіемъ свои побѣды, и обѣщалъ въ скоромъ времени отправить насъ въ Россію.

Наконецъ 1-го Августа 1814 года прибыли двое депушатовъ съ ошвѣшными къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ отъ Коканскаго Владѣтеля письмами, и я съ ними и съ кунеческимъ кара-

ваномъ, въ сопровожденіи двухъ сотъ чело-
вѣкъ Коканскаго войска, отправился
въ обратный путь по тому же шакшу,
по коему слѣдовалъ. Пѣнными Рускими я
опдалъ одному верблюда, а другому ло-
шадь, а прешій опданъ былъ мною для
прислуги въ караванъ.

Областный городъ *Ташкентъ* нахо-
дится при рѣкѣ *Чирчикъ*; большая часть
обширнаго сего города, заключающаго
въ себѣ до 20,000 домовъ, построена
въ лугу; кругомъ на пространствѣ 15-ти
верствъ городъ обнесенъ высокою стѣ-
ною, выведенною изъ незжанаго кирпича,
въ коей находится 12 воротъ. Въ са-
мой стѣнѣ внутри города расположены
обывательскіе сады и виноградники, ко-
торые огорожены также высокими стѣ-
нами, столь близко соединенными между
собою, что оставленные между ими про-
ходы болѣе похожи на коридоры, нежели
на переулки. Въ предмѣстіи города также
находятся сады. Вода пропущена изъ рѣ-
ки *Чирчика* каналомъ, изъ коего въ городъ
вездѣ проведены фонтаны; въ каждомъ
домѣ посреди двора видишь бассейнъ или
прощную небольшую канаву, откуда
женщины черпаютъ воду и гдѣ поло-

щамъ бѣле; на сихъ бассейнахъ видишь Ташкенцевъ моющихъ или роскошно веселящихся съ музыкою. Мечети выстроены безъ крышъ; есть множество древнихъ запустѣлыхъ храмовъ съ куполами, кои построены первобытными обитателями сихъ мѣстъ.

Въ $\frac{1}{4}$ версты отъ города находится укрѣпленіе, помѣщающее въ себѣ до 10,000 войска; укрѣпленіе сіе обнесено со стороны Коканіи двумя высокими каменными стѣнами и двумя глубокими рвами, а къ городу одною стѣною и глубокимъ каналомъ, имѣющимъ до 50-ти сажень ширины. Въздъ въ укрѣпленіе сіе по узкой пропикѣ. Въ срединѣ сего укрѣпленія на возвышенномъ мѣстѣ построены замокъ, обнесенный высокими стѣнами и 3-мя рвами, имѣющими по 7-ми сажень глубины. Въ семъ замкѣ живеть Главнокомандующій, имѣющій полную власть казнишь смертію безъ доклада Владѣтелю. *Ташкентъ* былъ прежде независимъ и служилъ резиденціею Владѣтеля; а нынѣ, по покореніи, содѣлался провинціею Коканіи. Замокъ прежняго Владѣтеля разрушенъ до основанія, и мы видѣли на томъ мѣ-

стѣ однѣ груды камней. Чрезъ городъ безпрестанно проходящѣ караваны.

Въ *Силкетѣ*, за изнуреніемъ верблюдовъ, мы останавливались на проее сушокъ. Оспираясь далѣе, были сопровождаемы Коканскимъ опрядомъ до горы *Каратау*, въ которомъ мѣстѣ опрядъ сей, не предвидя для насъ никакой опасности, оспшалъ отъ насъ и осправился на городъ *Карнакъ*, который Коканцы во время пребыванія моего въ *Кокантѣ* покорили, завоевавъ все Туркиспанское владѣніе.

Перейдя гору *Каратау*, обиталище черныхъ закаменѣвшихъ Киргизовъ, мы остановились на ключевой рѣчкѣ, въ логу, при утесѣ горы. Около полуночи услышали въ ущеліяхъ горы раздавшійся топотъ коней и смѣшанные крики Киргизовъ сихъ, и наконецъ толпы ихъ показались на высотахъ. Мы перевязали лошадей и верблюдовъ арканами, и сами дѣлали по нихъ ружейные выстрѣлы, чемъ и привели ихъ въ страхъ. Мало по малу они начали разсѣваться и, по прошествіи 2-хъ часовъ, ихъ уже не видно было.

На разсвѣтѣ дня, для избѣжанія опасности, мы шоропились выступить въ дальнѣйшій путь и почти безъ ошдыху

слѣдовали къ городу *Сузакъ*; отъ безпрестанныхъ переходовъ и отъ чрезвычайныхъ жаровъ верблюды заразились сарпомъ (родъ оспы); для сего самаго около 20-ти дней мы принуждены были проживашъ въ *Сузакѣ*.

Когда караванъ въ состояніи былъ слѣдовашъ, мы выступили въ первыхъ числахъ Сентября на рѣку *Суй* до урочища *Уванаса* и, оставя прежній пракшъ для сокращенія пуши, не прикасаясь ни къ одной Киргизской волости, шли 12 сутокъ необишаемою степью по шерновникамъ и глинистой землѣ до рѣки *Сарысу*, оспанавливаясь на ключахъ, имѣющихъ красновашую воду въ родѣ шерпаго кирпича; во многихъ мѣстахъ находили выходящіе изъ земли ключи, пропекающіе маленькими рѣчками, въ коихъ вода селищренная, и видѣли въ большихъ табунахъ кулановъ.

Пришедъ на рѣку *Сурынъ*, мы отправились между горъ степями, по ключамъ, на рѣчку *Куланъ-Этмесъ*, и въ продолженіе 12-ти дней не встрѣчали никакого обишалища.

Во время пуши близъ *Куланъ-Этмесъ* увидѣли, что толпы Киргизовъ начали

показывахся и окружаях насъ со всехъ сторонъ, приутошовляясь къ нападенію. Я велѣлъ останоуитъ караванъ и положишь верблюдовъ, а людямъ спѣшихся и заряжаяхъ ружья; самъ же съ пароу писполешовъ и обнаженною саблею побѣхалъ къ полпамъ симъ въ сопровожденіи даннаго Сулпаномъ *Худай-Мендоу* шеленгуша. Увидя Сулпанова шеленгуша, Киргизы останоуились и выслали шакже для переговоровъ 4-хъ человекъ. Извѣсхся, что полпы Киргизовъ сихъ были *Байтемешевской* волости, за спокойшвіе коей ручался Сулпанъ *Худай-Менда*, я обѣявилъ имъ, что караванъ принадлежишь Россійскому купечеству, и что буде они покусиахся сдѣлашь малѣйшій вредъ намъ: то будущъ жестоко наказаны высылкою въ границы козачьихъ опрядовъ. Услышавъ сіе, они обѣщали не дѣлашь намъ никакой непріятности и приглашали въ свою волость, въ 15-ти версахъ ошстоящую.

Такъ какъ мы перѣбли въ провіантѣ шполь большой недоспамокъ, что приууждены были шрое сушокъ пишахся лошадинымъ мясомъ, и я самъ, издержавъ ошпаки бараньяго мяса, сохраняемаго

въ продолженіе 20-ти дней въ высушенной брюшинѣ, долженъ былъ нѣсколько дней для утоленія голода варить уже и самую брюшину сію съ пшеничною мукою; но мы рѣшились войти въ шоссѣ же день въ сію волость, гдѣ вымѣнивали барановъ, а для козаковъ шулуны, (ибо уже были первыя числа Октября). Выпавшій въ сіе время первый снѣгъ задержалъ насъ въ семь мѣсѣвъ двое сушокъ.

Вышедши отъ нихъ по справку на урочище *Таиръ-Бергенъ*, перешедши чрезъ рѣку *Ишилъ* и достигнувъ на 3-й день до урочища *Долбрылы*, я послалъ 3-хъ человекъ къ корпусному Командиру съ донесеніемъ о числѣ и благосостояніи каравана, а равно и о прибывшихъ Коканскихъ депутатахъ; а самъ, стараясь поспѣшать, дабы насъ не застигла въ пуши зима, пришелъ чрезъ 7 дней къ границамъ.

Высланный за 20 верстъ отъ крѣпости Пепропавловской отрядъ козаковъ, состоящій изъ 60-ти человекъ при 1-мъ офицерѣ, встрѣтилъ насъ и, подъ прикрытіемъ онаго, мы вступили 15-го Октября 1814 года въ крѣпость. Караванъ вошелъ въ мѣновный дворъ; а депутаты, будучи встрѣчены Коменданшомъ, препро-

вождены въ опшведенный имѣ домѣ. Приведенныхъ мною шрехъ Россійскихъ плѣнниковъ я представилъ при рапортѣ Коменданшу, коему, при сдѣланномъ имѣ допросѣ, они подшвердили прежнее свое показаніе. Людямъ симъ, на основаніи Всемилоштивѣйшаго Манифеста 1814 года Августа, предосшавлено право избрать родъ жизни.

Въ продолженіе всего путешешствія моего бывшіе со мною козакѣ, шerpѣвшіе всѣ шрудности пуши, шягосшъ службы, недосшашки, нужды и голодѣ, хоща иногда и скучали; но, будучи обнадеживаны мною, что Начальштво не осшавишъ наградишъ службу ихъ, шerpѣливо все переносили. Общія опасности шшоль шѣсно связывающѣ людей между собою, что я козакѣвъ сихъ встрѣчаю всегда, какѣ родныхъ брашъевѣ.

Въ извѣявленіе своей къ нимъ признашельности, я посшавляю священнѣйшешо для себя обязанностію, дабы хоща нѣсколько сдѣлашъ ихъ извѣспными, присовокупишъ здѣсь имена сихъ людей, кои, ежеминушно подвергая опасности жизни свою, жерпшвовали собою на службу Ошешешва:

3-го козачьяго полка урядникъ *Василій Рекинъ*.

Тогожъ полка рядовой *Дрягинъ*.

Тогожъ полка рядовой *Гладиный*.

2-го козачьяго полка рядовой *Бородинъ*.

4-го козачьяго полка рядовой *Морожниковъ*.

К О Н Е Ц Ъ.